

СВЕТЛАНА АЛЕШИНА

Ставка на темного зверя

Сериал «Тележурналистка»

TV журналистка

Светлана Алешина

Ставка на темного зверя (сборник)

«Научная книга»

2004

Алешина С.

Ставка на темного зверя (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2004 — (ТВ журналистка)

Ну не может тележурналистка Ирина Лебедева жить спокойно! Обязательно найдет на свою голову криминальное приключение. Хотя в деревенской глуши, куда она попала на сей раз, нет ни бандитских группировок, ни мафиозных кланов. Однако и тут происходит нечто странное... У очередной героини передачи Лебедевой «Женское счастье» погиб на охоте муж. Его разорвал какой-то неведомый зверь – не то волк-одиночка, не то дикая собака... А если это кто-то из недругов спланировал смерть успешного директора лесхоза? Врагов у него было много. Поговаривали даже, что весь его род был проклят какой-то ворожеей. Как бы там ни было, Ирина со своей бесстрашной съемочной группой берется докопаться до правды...

Содержание

Ставка на темного зверя	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Светлана Алешина

Ставка на темного зверя (сборник)

Ставка на темного зверя

Глава 1

Как давно я была лишена покоя! Бескрайние просторы раскинулись передо мной, буйные краски лета ласкали взор. Была та самая пора на границе сезонов, когда пышная зелень вот-вот может пожелтеть, но тем не менее это самый расцвет природы.

За окном моего купе леса сменялись полями, равнины – холмами, могучие деревья тянули свои заскорузлые ветви к солнцу. Как мне не хватало величавого спокойствия природы последнее время! Как мы все погрязли в городской суете и торопливости! Поезд мчал меня среди окружающего великолепия, и мне хотелось петь от восторга!

А началась эта командировка с того, что мне пришла в голову идея выбрать в героини своей передачи «Женское счастье» абсолютно нетипичную женщину. Ведь я – автор и ведущая этой программы, идущей по тарасовскому телевидению, поэтому мне, как никому другому, видны достоинства и недостатки проекта. Как-то все однообразно получается: удачливая бизнес-леди, женщина-политик, писательница. Смысл их успеха в том, что они наплевали на всех и полезли вверх. Это, конечно, хорошо, но ведь может быть и другое счастье – спокойное, уверенное и без оглядки.

Только где такое найти? Ясно, что не в нашем безумном городе, который все больше ускользает ритм, заставляя обитателей суетиться, чтобы выжить. Надо ехать в село и искать покой там! Я обратилась за помощью к оператору Павлику, благо он всегда под рукой – сидит в моем кабинете. Он утверждает, что здесь стоит самое мягкое кресло во всем телецентре. Павлик – большой лентяй, на работу его можно выгнать только пинками. Правда, если его заинтересовать, то он сразу собирается и может проявить чудеса ловкости и сообразительности. В ответ на мой вопрос, где можно найти счастливую и спокойную женщину на селе, Павлик задумчиво почесал затылок:

– Какое там счастье на селе! Работа с утра до вечера в грязи...

– Но не все же недовольны своим положением! – возразила я. – Есть же успешные, добровольно и много работающие люди!

– Тогда это не у нас надо искать, – ухмыльнулся Павлик. – Это ты каких-то английских фермеров описываешь.

– Подумай, неужели ты ни разу не слышал о сельчанах, живущих в достатке? – напирала я.

– Есть у меня один знакомый, – задумался оператор, – только я его уже лет пять не видел. Он раньше был заведующим лесхозом – богатое предприятие...

– Звони ему сейчас же, – потребовала я, – вдруг он не оставил должности. Заодно проведешь приятеля.

– Да какой он мне приятель! – начал открещиваться Павлик. – Так, общались пару раз.

– Давай-давай, не губи мою новаторскую идею!

Уф, все-таки я расшевелила этого медведя! Он стал копаться в своей потрепанной телефонной книжке и вскоре выудил на свет божий то, что было нужно.

Павлик созвонился со своим знакомым – трубку взяла его жена, и договорился о встрече. Он долго объяснял женщине, зачем она нам понадобилась. Вот счастливое создание – она не смотрит всяческие ток-шоу и другие «дамские» передачи! Я же говорила – на селе живут совсем другие люди! Им незачем убивать время, уставившись в телевизор, ведь забот хватает и без этого.

– Твоя идея, конечно, хороша! – восхитилась Галина Сергеевна, наш главный режиссер. – Только мне кажется, что шеф ее не одобрит.

– Почему? – обиделась я. – Евгений Васильевич всегда поддерживал мои инициативы.

– Пойми одно: у нас ГТРК Тарасова, а не ОРТ! У нас нет таких средств, чтобы гоняться по деревням, разыскивая телеперсонажей!

Однако Кошелев мой проект одобрил. Он сказал, что на фоне грядущих выборов передача про благополучных жителей села получит высшую оценку губернатора. А это, как известно, равноценно нехилому финансированию телевидения.

Мне было до лампочки, как расценит идею высшее руководство области, главное, чтобы не вставляли палки в колеса. Жалко, что у нас не ОРТ – они могут послать корреспондента хоть на Луну, вести репортаж со дна кратера потухшего вулкана. А мы вынуждены считаться с тем, что большинство проектов на нашем ТВ не может конкурировать с центральными каналами, хотя бы из-за устаревшего оборудования.

А что, вы видели когда-нибудь тарасовские новости? Лица дикторов выглядят на экране замечательно желтыми и рябыми – как будто они переболели болезнью Боткина и оспой одновременно! Это происходит потому, что записывающая и передающая аппаратура сравнялась по возрасту с почтеннейшим директором ГТРК Марком Сергеевичем Ландовским!

Поезд замедлил ход, приближаясь к нужной мне станции – селу Гурьево Курковского района. Это северо-западный край нашей области, которая, как известно, сравнима по размерам со многими европейскими государствами. Вместо выжженных степей, окружающих Тарасов, здесь простирались бескрайние леса: на горизонте синел сосновый бор, состоящий сплошь из вековых, величественных деревьев, а чуть ближе радовали глаз молодые березки, обрамленные нежно-зеленой клейкой листвой. Это вам не городские посадки, закованные в душную броню асфальта! Здесь чувствуется могучее дыхание необоримой матушки-природы, на фоне которой вся наша жизнь кажется муравьиной возней!

Иван Николаевич Крынин, знакомый Павлика – наш оператор снимал про него репортаж на заре девяностых годов, – до сих пор возглавлял Гурьевский лесхоз. Его жена Оксана согласилась участвовать в нашей передаче с тем условием, что мы должны будем осветить проблемы лесного хозяйства. По ее мнению, это может сильно помочь предприятию, руководимому ее мужем. Ах, эти наивные сельчане – думают, что телевидение решит все их проблемы!

На станции меня встретил заместитель Крынина – Дмитрий Федосеев, приятный молодой мужчина, на вид лет тридцати от роду. Он, улыбаясь, объяснил, что ни директор, ни его жена встретить меня не смогли – сильно загружены работой. Мы сели в его «уазик» и понеслись по проселочной дороге.

– А что, ваш лесхоз приносит деньги? – спросила я, перекивая рев мотора.

– А как же! – улыбнулся Федосеев. – Со всех деревень люди к нам рвутся, мечтают в лесхозе работать!

– У вас хорошо платят?

– Не то слово! – пояснил словоохотливый зам. – Сравните сами: среди сельхозпроизводителей зарплата среднего техперсонала не превышает полутора тысяч рублей. Приходится изобретать, воровать, чтобы выжить. У нас зарплата простого рабочего составляет более трех тысяч! Конечно, для города это немного, но в селе – большие деньги!

Я задумалась. Интересно выходит: одни пашут землю до кровавых мозолей и имеют от этого только боль в спине, а другие просто пилят деревья и зарабатывают денежки! Когда я высказала эту мысль Федосееву, он не на шутку обиделся.

– Скажете тоже – просто пилим! Это раньше так было – мы продавали лес бревнами. Теперь мы продаем доски, так намного выгодней. У нас в клиентах почти все мебельные фабрики области – древесина чрезвычайно высокого качества.

– Какая разница, досками вы продаете или бревнами? – подначила я зама. – Смысл-то один – деревья вырубаются!

– Вы ничего не смыслите в разработке леса! – рассмеялся Дмитрий. – Во-первых, благодаря увеличению рентабельности производства снизились объемы выработок, во-вторых, мы занимаемся систематическим восстановлением угодий!

– Втыкаете бревна обратно в землю? – не выдержала я.

– У нас есть так называемый «огород», – невозмутимо продолжил Федосеев, – впрочем, мы скоро все сами увидите.

Мы ехали по дороге, покрытой мягким песком, – «уазик» плавно покачивался на ее неровностях. По обе стороны высились стройные желтые стволы – гигантские корабельные сосны. Представляю, как восхитился бы матерый мореплавателю Магеллан, увидев эти «мачты». И все это великолепие переводится буквально на опилки! Не убеждайте меня, Дима, что это хорошо, – все равно не убедите! Внезапно стена стволов кончилась, началась зона вырубки. Замелькали бесконечные пеньки – контраст был ужасен. Я вопросительно взглянула на своего спутника.

– Подождите, – пояснил он, – этот сектор мы недавно разработали, сейчас он кончится и начнется «огород»!

Действительно, пеньки скоро закончились, и потянулись посадки. Крошечные молодые сосенки едва проглядывали в густой траве.

– Мы распахиваем свободные земли и сажаем деревья! – с гордостью сказал Федосеев. – Ведь если бы мы этого не делали, то скоро нам нечего бы было делать в этом районе!

– А совпадают ли темпы вырубки с ростом молодых деревьев? – не успокаивалась я. – Ведь для того, чтобы выросла такая сосна, требуется, наверное, не один десяток лет!

– Ну, знаете, – возмутился Дмитрий, – на вас не угодишь! Знали бы вы, как осваивают сибирскую тайгу! Там доходит до того, что конкуренты выжигают лес друг у друга!

Мы немного помолчали. Странно, он даже ни разу не спросил у меня о телевидении. Словно угадывая мои мысли, Федосеев сказал:

– А почему вы решили снять передачу именно про Оксану? Вы что-нибудь про нее знаете?

– Ничего, просто один знакомый рассказал мне про Ивана Николаевича и его жену. Кстати, как вы считаете, они счастливо живут?

– А чего бы им не жить! – воскликнул Федосеев. – Дом – полная чаша, богатство, интересная работа, двое детей!

– А что, они действительно богаты?

– Скажете тоже! Вы видели их хоромы? Кремль, да и только! – ответил Федосеев.

Мы въехали на территорию лесхоза. Слышался визжащий звук пил, пахло опилками – они лежали повсюду огромными кучами. Мощные бульдозеры то и дело подвозили бревна.

– Скажите, Дима, а что вы делаете с опилками? Неужели выбрасываете?

– Нет, конечно! Из опилок можно сделать массу полезных вещей: прессованный кирпич-утеплитель, удобрение для полей! Правда, – сказал он уже менее бодро, – основная часть опилок пропадает – гниет. Предложение превышает спрос...

Сам поселок Гурьево располагался за лесхозом. Дима сказал мне, что почти все жители деревни работают на их предприятии. Конечно, у всех есть огороды и скот, поэтому романтика деревенской жизни не теряется.

Гурьево очень живописно встраивалось в окружающие его лесистые холмы. То тут, то там были разбросаны аккуратные светлые домики, сложенные в основном из смолистых бревен. Мне ужасно захотелось остаться тут навсегда – более гармоничного и уютного места я не встречала.

Оксана встретила нас во дворе своего дома. Видно было, что она страшно занята. Извинившись, она проводила нас внутрь дома, попросив подождать. Изба действительно поражала своей красотой, повсюду были деревянные своды, как в сказочном тереме. Полированная свежая сосна рождала ощущение необыкновенного уюта и покоя.

– Вот видите, – зашептал мой спутник, – что я вам говорил?

Когда хозяйка вернулась, она объяснила, что доила двух своих коров. Откладывать это дело нельзя, поэтому нам пришлось подождать. Я незаметно разглядывала хозяйку. Ей было около сорока лет, но выглядела она на удивление хорошо. На ее лице абсолютно не было косметики, но я не заметила никаких морщин, кожа была гладкой и упругой. Это понятно – жизнь на свежем воздухе, здоровая пища и чистая вода не располагают к старению. Единственное, что портило женщину, это руки. Они были загрубелыми и потрескавшимися, ногти коротко подстриженные и слоящиеся. А вы попробуйте копаться в земле с маникюром! Уверена, что ваши ухоженные пальчики через год превратятся в узловатые корни!

– Скажите, – спросила Оксана, – а почему вы решили снимать передачу именно про меня? Неужели вам не хватает персонажей в городе?

– Понимаете, Оксана, – пояснила я, – большая часть населения нашей губернии живет в сельской местности, поэтому было бы несправедливо снимать сюжеты только про городских жителей.

– Ну, не знаю, – вздохнула женщина, – я как-то сомневаюсь, что вам будет интересно узнать про мою жизнь. Ничего особенного я в ней не вижу – училась на биофаке, потом познакомилась с Ваней и приехала сюда. Так и живу здесь все время...

– Не сомневайтесь, – подбодрила я ее, – у вас интересная, динамичная жизнь, ведь так? Я считаю, что в эфире можно будет поговорить о ваших гармоничных отношениях с мужем, о воспитании детей. Как вы считаете, вас можно назвать счастливым человеком?

– Можно, – сказала Оксана не задумываясь, – у меня есть все для счастья. Здесь спокойно, поначалу, конечно, тосковала по Тарасову, а потом привыкла.

– Так вы городская? – удивилась я.

– Да, причем жила с детства в центре города, на проспекте Кирова. Представляете, какой контраст. Там даже ночью шумно, а здесь и днем мертвая тишина. Даже визг пил сюда не долетает.

– А вы говорите, нечего снимать! Да ведь после такой передачи полгорода в деревню уедет!

– Бросьте вы, – рассмеялась Оксана, – тут вовсе не рай земной. С непривычки можно горб надорвать. Некоторые думают, – сказала женщина с неожиданной злостью, – что достаток нам просто так дается! А то, что мой муж и я носимся целый день как драные веники, никто не замечает! Правда, Дима?

Заместитель кивнул, а я вспомнила, как он совсем недавно говорил о богатстве директорской семьи с откровенной завистью.

– Ой, – воскликнула директорская жена, – чего это я вас разговорами кормлю? Вы небось с дороги проголодались?

И Оксана начала суетиться, собирая на стол. Что может быть лучше деревенских щей? Капуста буквально свисала из ложки, через раз попадались вкуснейшие кусочки мяса. Все это

великолепие, сдобренное густой сметаной, буквально таяло во рту. На сладкое было черничное варенье, которое я запивала сливками, – лучше всякого мороженого.

Когда я насытилась (а лучше сказать – объелась), Оксана предложила мне прилечь отдохнуть. Я послушалась, тем более что ходить я была просто не в состоянии. Прикорнув на широкой мягкой кровати, я почти мгновенно уснула.

Когда я проснулась, за окном уже начинались сумерки. Я была заботливо укрыта одеялом. Оксана позаботилась и об этом. Слышно было, как во дворе тихо квохчут куры, цикады уже начинали свою вечернюю песню. Как чудесно проснуться в звонкой тишине, приправленной такими уютными и родными звуками! Дома, в Тарасове, я просыпалась под аккомпанемент несущихся по нашей улице машин. Здесь же моя релаксация была полнейшей, даже Будда не смог бы достичь такой степени nirваны, какую испытывала сейчас я.

Хлопнула входная дверь, и на пороге моей комнаты появилась Оксана. В ее руках была какая-то шерстяная тряпка.

– Вы уже проснулись? – спросила она меня. – Вот и чудненько. Сейчас мы с вами пойдем в баньку! – Она протянула мне банную шапочку. – Давно небось не парились как следует?

– Наверное, давно, – задумалась я, – года два назад последний раз.

– Ну, а в такой бане, как у нас, и вовсе никогда!

Действительно, такой парной, как у Крыниных, я еще не видела. Это было просторное помещение, обшитое изнутри красивыми светлыми досками. Дверь, наличники на окне, скамейка – все было украшено красивой резьбой, что создавало ощущение старой доброй русской сказки. Ковши и бадья с водой также были деревянными.

Чертовски хорошее изобретение – банная шапочка! Без нее мои мозги давно бы закипели – Оксана «добро» поддала парку, плеснув на печку из ковшика. По коже градом катился пот – мы уже третий раз, в промежутках отдыхая в предбаннике, «мучили» себя в парной. Оксана хитро посмотрела на меня.

– Ну что, Ирочка, вы готовы к испытанию? – Она вытащила из-под лавки заранее замоченные березовые веники. – Сейчас я вас от всех хворей вылечу!

И Оксана начала охаживать меня веником по спине – сначала тихо, потом сильнее. Я повизгивала от удовольствия, на самом деле казалось, что от такого массажа из тела просто убегают все болезни!

Мы сидели за большим круглым столом в гостиной. Ощущение было – как будто меня только что принесли из роддома. Я накинула легкий халат, который дала мне Оксана, кожа восхитительно дышала. Мне казалось, что я знаю хозяйку дома очень давно – словно приехала к старой подруге.

– Понимаете, Ира, – объясняла она, – вот вы живете в городе. Думаете, что вам там весело и интересно. Городские считают, что в деревне скукота – мол, что там делать, только водку пить да коровам хвосты крутить! А на самом деле здесь – великий труд, но и великая награда за это – такие вот вечера. Ведь невозможно хорошо отдохнуть, перед этим хорошо не поработав!

Какие, оказывается, философы скрыты в простых на вид людях!

– Так вот, – продолжала Оксана как ни в чем не бывало, – там, в Тарасове, ритм жизни бешеный. Все торопятся, торопят других, машины носятся, того и гляди, кого-нибудь задавят, – женщина словно прочитала мои недавние мысли. – А здесь я сама задаю себе темп – работаю как хочу и отдыхаю как хочу!

Во дворе послышался звук подъезжающей машины. Оксана вскочила и побежала к двери. Вскоре она зашла в дом, за ней шел невысокий плотный мужчина с суровым обветренным лицом. Впрочем, суровость его была кажущейся, глаза лучились искорками доброй иронии.

– Знакомьтесь, Ирина, это мой муж, Иван Николаевич, – представила нас Оксана, – только сейчас с работы пришел, представляете!

– А вы, как я понимаю, – улыбнулся мужчина, – и есть та самая телезвезда Ирина Лебедева?

– Да, – подтвердила я, – правда, я не телезвезда.

– Ну-ну, не скромничайте, я поспрашивал среди своих – вашу передачу любят и смотрят очень многие. Оксанка, – обратился Иван Николаевич к жене, – накрывай на стол, по случаю приезда знатной гостьи у нас будет застолье! Я пригласил нескольких сотрудников.

Вскоре прибыли приглашенные. Их было пять человек, Иван Николаевич представил мне гостей. Брат директора, Алексей Николаевич, заведующий распилочным производством хозяйства, начальник по вырубке Лев Семенович, главный «восстановитель» лесхоза Мария Павловна, а еще бульдозерист Петя и рабочий пилорамы Саша. Директор явно постарался, чтобы к нему в гости пришли представители всех профессий его хозяйства. Чуть позже подошел покинувший нас ранее замдиректора Федосеев.

Всех явно смущало мое присутствие – как же, посторонний человек, да еще к тому же телеведущая. Выпив несколько рюмок, гости расслабились и даже стали задавать вопросы.

– Скажите, пожалуйста, – обратилась ко мне Мария Павловна, – а современное телевидение демократично?

Вот это вопросик! Сейчас, того и гляди, начнутся дебаты – Чубайс, Ельцин, коммунисты, демократы и еще всяческая политическая чушь!

– Конечно, – начала я осторожно, – сейчас больше свободы слова, чем раньше. Но все же имеются случаи директив сверху, так сказать, подсказок, что и как надо преподносить.

– Так я и думала, – вздохнула женщина, – нигде правды нет!

– А что ты хотела, Маша, – встрял Лев Семенович, – если каждый начнет говорить, что в голову придет, такой бардак начнется!

– Ты не понял, Лева, – отрезала Мария Павловна, – я хотела попросить Ирину кое-что рассказать в своей передаче, так сказать, поверх основного сюжета.

– И что же это? – заинтересовалась я.

– Маша, – строго прервал женщину директор, – я об этом позже сам попрошу.

– Правильно, Иван Николаевич, – сказал бульдозерист Петя, – нечего за столом об умных вещах разговаривать. Давайте я вам лучше сказку расскажу!

– Кхм, опять ты со своими рассказами, – усмехнулся Саша-пилорамщик, – давай, валяй, коли надумал.

Директор кивнул. Видно, Петя слыл тут у них известным сказочником, и мы приготовились слушать.

– Давным-давно, когда в этих местах еще не было никакого лесхоза, – начал Петя, – стоял здесь бор дремучий, не чета нынешнему. Водились в том бору звери всякие, народ жил охотой, собирательством ягод. Жили сытно и тихо – всего хватало, дичи было в избытке, земля каждый год знатный урожай давала. Поселился тогда в Гурьеве один барин, уж больно ему здешние места понравились. Да не один поселился – со слугой. Ушел на покой, так сказать. Выстроил себе тут славный терем да и стал жить в свое удовольствие – ходил на охоту, ловил рыбу. И везде его слуга сопровождал, тенью ходил за своим барином.

Ничего себе слог у простого бульдозериста! Может, его взять на телевидение, вести передачу «Спокойной ночи, малыши»?

– Однажды, – продолжал Петр, – случилось несчастье. Барин разошелся на охоте со своим слугой и попал в трясину... Он погружался в болото все глубже и глубже, и никто не мог его спасти. Барин кричал, звал на помощь, но никто не приходил. Когда он погрузился по плечи, прибежал его слуга. «Иван, – взмолился барин, – вытащи меня отсюда!» Слуга даже не пошевелился. «Разве тебе не хорошо со мной было? – спросил барин. – Я жил в свое удовольствие и тебе давал жить!» – «В том-то и дело, барин, что ты жил в свое удовольствие, а не в мое!» Сказав это, слуга развернулся и оставил барина на верную погибель.

Какая-то невеселая сказка! Такое ощущение, что Петя на что-то намекал ею – я заметила несколько многозначительных взглядов, которыми обменялись гости.

– Опять ты, Петя, тоску на всех нагнал, – директор смущенно кашлянул, – давайте-ка, гости дорогие, закончим застолье и пойдем в сад. Я сыграю вам на гитаре.

– Давайте, – поддержал его Федосеев, – чего дома париться в такой чудный вечер!

Мы всей компанией вывалились на улицу. Вечер был действительно прекрасным: дул освежающий ветерок, на разные лады стрекотали сверчки, шумели кроны могучих деревьев – неподалеку от дома была дубрава. Сад Ивана Николаевича был огромным, мы спускались куда-то вниз, а он все не кончался. Ночь в Гурьеве – это вам не то что разбавленная светом уличных фонарей ночь в Тарасове. В окружавшей нас темноте было что-то первобытное, жутковатое. «Там тишина, там леший бродит, русалка на ветвях сидит», – вспоминались строки Пушкина. Наконец мы добрались до цели – ею оказалась беседка, увитая диким виноградом, притулившаяся над самым обрывом, который спускался к реке. Заметив мой удивленный взгляд, Иван Николаевич пояснил:

– Мой сад доходит до самого Хопра, я специально сделал здесь беседку – обожаю смотреть на реку.

– Кстати, – встрял Федосеев, – а вы знаете, что Хопер – самая чистая река Европы?

– Ну ладно, – сказал Иван Николаевич, пощипывая струны гитары, – я начну, а ты, Дима, подпевай.

Они начали петь неожиданно чистыми, высокими голосами. Песня была мне незнакома – ее аккорды вызывали одновременно и радость, и легкую печаль. Когда они закончили, я спросила:

– А чья это песня? Кто ее написал?

– Это, – сказал с гордостью Федосеев, – наш директор написал, сам!

Боже мой, какие таланты на селе пропадают – один сказки рассказывает, другой сочиняет и поет песни! Хотя почему пропадают – им здесь вовсе неплохо живется.

– Дима, – попросил Иван Николаевич, – давай я сыграю, а ты спляшешь?

Мне показалось, что после сытного ужина просить человека сплясать жестоко, но Федосеев не заставил себя уговаривать. Директор стал наяривать три известных народных аккорда, да так задорно, как будто у него в руках была балалайка, а не гитара. Дима стал ловко прихлопывать и притопывать. У него так хорошо получалось, что я бы сама пустилась в пляс, если бы не набитый желудок.

Все похлопали танцору, и Иван Николаевич заиграл какую-то грустную мелодию. Песня была о том, как солдат скучает на чужбине, – мне вдруг вспомнился родной дом, мой муж Володька. Интересно, как он сейчас там? Знаете, так бывает вечером, когда приезжаешь на новое место. День полон новых впечатлений, о доме даже не вспоминаешь. А когда смеркается, наваливается такая грусть, что хоть обратно беги. Но это ощущение вскоре проходит – человек привыкает жить на новом месте буквально за неделю. Интересно, а почему я не видела детей Крынина, ведь Федосеев говорил, что у него двое ребят?

– Их сегодня Дима к бабушке отвез, в Юрьево, – ответил Крынин на мой вопрос, – тут недалеко, на машине час езды.

– Дима везде поспел – и меня встретить, и детей отвезти, – удивилась я.

– Да, – согласился директор, – он меня выручает. Кабы не он – не знаю, что бы я делал.

Дима развел руками, всем своим видом показывая – смотрите, мол, какой я хороший. Этот человек мне на самом деле понравился – такой услужливый, приятный в общении. Только уж больно мягкий – слушается Ивана Николаевича, как новобранец генерала.

Внезапно со стороны далекого соснового бора послышался жуткий протяжный вой. Все вздрогнули – по спине пошли мурашки.

– Волк, – тихо сказала Оксана.

– Да нет, что вы, Оксана, это же собака! – возразил ей Федосеев. – Волков уже давно всех перебили.

– Собака в дальнем лесу? – усомнился Крынин. – Как она туда попала?

– Да запросто – одичала и убежала в лес. Я встречал таких на охоте.

– Я не слышала, чтобы собаки так выли, – Оксана зябко поежилась, – уж больно тоскливо.

– Да уж, – рассмеялся Федосеев, – я не думаю, что ей там весело. Вы бы тоже так завыли, Оксана, окажись вы одна в темном лесу.

– Ну тебя, Дима! – уже шутливо воскликнула женщина. – Вечно ты что-нибудь приплетешь.

– Не знаю, – задумчиво сказал Петя-бульдозерист, – волк это или собака, но со мной однажды приключилась такая история...

– Опять ты со своими страстями! – прервал его Федосеев. – Напугаешь гостей на ночь глядя!

– Пусть рассказывает, – сказал Иван Николаевич, – интересно у тебя получается, Петр!

– Однажды, когда я был еще маленьким, со мной произошла такая история. – Глаза Пети загадочно блестели, в них отражалась желтая луна, пробивавшаяся из-за туч. – Я пошел на пруд за кувшинками. Естественно, пошел тайком от матери, ночью. Мы с друзьями поспорили, что у меня рано утром уже будут лежать цветы на столе. Идти было страшно, но отказаться от затеи я не мог – было бы стыдно перед товарищами. Пруд был достаточно далеко от дома, но дорогу я хорошо знал, мы часто ходили туда купаться.

– Это неужто на Карюхин пруд ходили! – воскликнула Мария Павловна. – Так до него же семь верст, и все лесом!

– Так точно, тетя Маша, именно на Карюхин! Так вот, – продолжил он прерванный рассказ, – этот пруд напугал меня до полусмерти – днем он был таким уютным, домашним. Мы ловили в нем лягушек, ночью же, в окружении темных деревьев, он казался жутким, черным и бездонным. Стуча зубами, я все-таки заставил себя залезть в воду. Нарвал кувшинок и вышел на берег. Вдруг вижу: из-за деревьев вышла большая серая собака. Она долго смотрела на меня в упор, и глаза ее странно блестели. Не знаю, что на меня тогда нашло, я стал ее звать: «Хороший песик, иди сюда, иди, маленький!» Собака делает ко мне шаг, делает другой. Я стою, наклонившись, и маню ее рукой. Тут она разворачивается и убегает обратно в лес. И, самое главное, я вижу, что хвост у этой собаки висит поленом, как у волка. От ужаса я побежал домой, позабыл и кувшинки, и даже свою майку. Наутро ребята надо мной смеялись – говорят: «Ты сдрейфил!» Повел я их тогда на пруд. Нашли мы и кувшинки, и майку. Один из ребят, он был постарше, говорит: «Гляньте, пацаны, волчьи следы!» Все побежали посмотреть. И тогда я им рассказал, что ночью приключилось. А через несколько дней волк задрал несколько овец из колхозного стада...

– Выходит, – сказала Оксана, – волки не трогают человека, если к ним с лаской?

– Волк никогда не нападает на человека, если он один и не голоден, – пояснил Иван Николаевич, – а если зимой и в стае, то могут и напасть. Насчет ласки не знаю – не пробовал. Ладно, ребята, – вздохнул он, – пора идти. Нам всем рано вставать.

Мы пошли по саду, оставив сзади умиротворяюще журчащую реку. Все шли задумчивые, немного грустные. Рассказ Пети хоть и звучал жутковато, но почему-то напомнил о детстве. Все эти споры: кто смелей, походы на речку ночью и вообще вся эта вольница, когда день принадлежит только тебе и больше никому, – как давно это было! Хотя мне, наверное, грех жаловаться – моя жизнь никогда не была такой уж беспросветной кабалой.

Чтобы развеселить приунывших гостей, Иван Николаевич грянул по струнам. Он начал громко распевать веселые частушки на ходу. Мы засмеялись над его довольно скабресными куплетами. Неожиданно он отдал гитару Федосееву и отошел куда-то в сторону. Когда он вер-

нулся, его карманы были набиты грушами – он угостил ими всех. Чертовски сладкий фрукт, доложу я вам!

Проводив гостей, мы пошли в дом. Хозяева постелили мне в комнате, которая располагалась во флигеле, на втором этаже. Перед сном ко мне зашел хозяин:

– Ирина, вы надолго к нам?

– Завтра я уезжаю, – объяснила я, – и так задержалась. Мне нужно будет на денек забрать у вас Оксану, чтобы подготовить к передаче.

– Хорошо, – улыбнулся Иван Николаевич, – забирайте, только обязательно верните! Кстати, – посерьезнел он, – вы пойдете завтра со мной в лесхоз? Я хотел бы многое вам показать и сообщить кое-какую информацию.

– Конечно, – успокоила я хозяина, – я пойду с вами.

– Бужу вас в шесть! – Он вышел, оставив меня готовиться ко сну.

Уже засыпая, я задумалась над тем, какие интересные люди порой встречаются в таких местах, где их и не ожидаешь встретить. Когда я ехала сюда, то, если честно, ожидала здесь увидеть самых обыкновенных сельских тружеников, все интересы которых крутятся около понятных, неабстрактных вещей. А сейчас мне кажется, что я никогда не забуду этого вечера, этой гитары, странных сказок Пети под тихое журчание реки... Есть такие люди-самородки – они ничему не учились, но, несмотря на это, они могут иной раз поразить профессора философии своими мыслями. А бывает, что человек учился на журфаке или на филфаке госуниверситета, а ничего не представляет – ноль без палочки. Я знаю сотни примеров на нашем родном ГТРК.

Глава 2

– Вставайте, Ирина, уже утро, – звенел чей-то бодрый голос у меня над ухом. – Давайте, а то опоздаете!

Что такое? Кто так рано меня будит? Неужели пора на телестудию? Я разлепила глаза – передо мной стояла Оксана. Я несколько секунд смотрела на нее, ничего не понимая. Оглушительно закукарекавший петух во дворе вернул меня к реальности – я по-прежнему находилась в Гурьеве.

– Идите, Ирина, вас ждет завтрак! – Оксана добродушно указала мне на лестницу, ведущую вниз.

Как рано встают в деревне! На часах было без пятнадцати шесть! А ведь наверняка Оксана встала намного раньше – подоить корову, приготовить завтрак.

Ополоснув лицо из допотопного умывальника во дворе, я побрела к столу. Там меня ждала яичница и кувшин с парным молоком. Яйца в деревне не чета городским. Желтки яркие, а не бледно-зеленые, как мы привыкли видеть.

– Что, Ирина, – послышался голос Ивана Николаевича, – непривычно ни свет ни заря вставать? – заходя на кухню, хозяин шутливо подмигнул мне. – Ничего, недельку поживете у нас – привыкнете!

– Да я бы рада, да только у меня скоро прямой эфир!

– Здесь его и проведете! – засмеялась Оксана. – Женское счастье, не выходя из коровника! В студии Зорька и Буренка!

– Ага, – поддержала я ее, – Ряба и Хохлатка не смогли прорваться на передачу из курятника!

Перед домом стоял уже знакомый мне «уазик», за его рулем восседал Федосеев. Мы погрузились в «Антилопу-Гну» и понеслись к лесхозу. Дима вел машину залихватски, нас мотало со страшной силой. Иван Николаевич сделал ему замечание, чтобы он ехал потише. Интересно, Дима совмещает должность заместителя директора и одновременно водителя? Скорей всего, нет – все это он делает по доброй воле.

Визжащие звуки циркулярных пил заполнили пространство вокруг. Я вновь почувствовала запах опилок. Возле барачков, где стояли пилорамы, он был немного с гарью. Загрохотали гусеницы бульдозера – он тащил за собой гигантские стволы сосен. В кабине сидел Петя – он приветливо помахал нам рукой. Иван Николаевич нагнулся к моему уху:

– Сейчас я покажу вам ближайшую вырубку. Дима, – обратился он к заму, – отвези нас к первому сектору.

Мы выехали за ограду и стали петлять по лесной дороге, изрытой гусеницами бульдозеров. Вскоре я увидела широкую просеку. Здесь тоже визжали пилы, только по-другому – более глухо. Я увидела, как шевелились макушки деревьев впереди. Вскоре я воочию смогла наблюдать зрелище, которое до этого видела только в фильмах. Мужчина в рабочем комбинезоне вгрызлся бензопилой в желтое тело высокой сосны. С ее куцей верхушки сыпались хвоя и шишки. Вот, миг – исполин закачался, мужчина налег на ствол, и дерево стало падать, набирая скорость. Рухнув, сосна несколько раз пружинисто качнулась и замерла. Тут же к ней подбежали другие рабочие и стали споро отпиливать ветки. Через минуту лесная красавица превратилась в обыкновенное бревно. Меня от этого зрелища покорило – похоже на убийство, что-то вроде скотобойни.

– Вот так вот все и происходит, – грустно сказал Иван Николаевич, – и не думайте, что мне это нравится.

– А почему вы тогда этим занимаетесь?

– Как пелось в песне: «Если не я, то кто же?» В самом деле, не будем ханжами – ведь вы же сидите на деревянных стульях, за деревянным столом! Уйду я – придут другие, и не факт, что они будут лучше.

Мы проехали подальше, здесь лес состоял из вязов, узловатых и корявых деревьев. Я вопросительно посмотрела на директора.

– Вязы идут на дрова, – пояснил он, – половина деревень района не газифицирована. Дима, – попросил он зама, – отвези нас, пожалуйста, на холм.

Забравшись на высокий безлесый бугор, «уазик» замер. Нашему взору открылось зеленое море, бескрайнее и колышущееся на ветру. Разрабатываемые сектора казались отсюда лишаями, в которых копошились насекомые-люди.

– Смотрите вон туда, – директор показал на запад, – там Юрьевский лесхоз. Это настоящие варвары. Они не восстанавливают лес, просто вырубают, и все. Причем разрабатывают бешеными темпами. Говорят, сейчас у «новых русских» считается шиком строить дачи-избы из сосновых бревен.

– Это правда, – подтвердила я, – сейчас в моде такие дома.

– Не знаю, как остановить этих гадов, – сокрушался Иван Николаевич, – видите вон там огромное пустое пространство, как бы поле? Раньше там был лес.

Присмотревшись, я увидела, что зеленое море неоднородно. Где-то были нежно-зеленые островки молодых деревьев, где-то – пустоты, чернеющие землей, – недавние вырубки.

– Помните, Мария Павловна начала говорить про наши проблемы? – начал Крынин.

– Конечно, еще Оксана попросила меня по телефону о помощи.

– Хм, я об этом не знал. Я, конечно, понимаю, что формат вашей передачи не позволяет снимать посторонние сюжеты. Но мне действительно нужна помощь.

– Чем я могу вам помочь?

– Вы видите, как разрабатывают лес в Юрьеве. Словно Мамай прошел. Мы занимаем территорию, не давая им расширяться, – он придвинулся ко мне поближе, – дело в том, что мне недавно угрожали.

– Кто? – удивилась я.

– Они не представились. Просто я нашел у себя в почтовом ящике письмо. Мне предлагали уйти с должности, иначе пострадают мои дети. Уверен, это происки Кашея.

– Какого Кашея?

– Это прозвище директора Юрьевского лесхоза – Казея Васильевича. Он способен на все.

– Да, – подтвердил Дима, – он давно обещал уничтожить нас. Я слышал, как он хватался. Мол, не пройдет и года, и Гурьево станет Юрьевом.

– А почему вы не обратитесь в милицию?

– Обращался, – директор безнадежно вздохнул, – они говорят – разберемся. Но я в это не верю. Кашей их наверняка подмазал.

– Ну и вы подмажьте. У вас же богатое хозяйство.

– Есть тут местный авторитет Цыплаков. Кашей на него работает. Переплюнуть его мне не под силу, он подмял уже полрайона, все чиновники тут под его дудку пляшут. Он подмял и Кашея. Я хочу, чтобы вы показали, насколько отличается наше хозяйство от их шараги. Трогай, Дима, пусть Ира увидит это вблизи.

Я не успела возразить, и мы стали спускаться с холма.

Дорога, вившаяся в лесу, была очаровательна, пахло смолистыми соснами, гулко раздавалось «пение» кукушки.

– Не буду спрашивать, – грустно засмеялся Иван Николаевич, – сколько мне жить осталось.

Не успел он произнести эти слова, как птица замолкла. Это, конечно, суеверие, но в эту секунду я твердо решила помочь директору. Только как – неужто вставлять в слюнявое вечер-

нее ток-шоу кадры про шантаж, криминал? Я бы с удовольствием вела передачу наподобие «Совершенно секретно» или «Свидетеля», где можно было бы рассказывать о таких вот случаях и о расследованиях. Но руководство родного ГТРК никогда не позволит мне запустить такой проект. Они считают, что «Женское счастье» имеет хороший рейтинг при небольших затратах.

– Сейчас начнется, – сказал Крынин.

Лес оборвался, и пошли бесконечные пеньки. Казалось, что они никогда не кончатся. Впереди наметилось какое-то движение, слышался визг пил. Мы проехали мимо рабочих, которые споро и быстро косили сосны. Именно косили, здесь было гораздо больше народу, чем на Гурьевской вырубке. Гремели гусеницами мощные бульдозеры, оттаскивая гигантские вязанки стволов, зеленая стена леса неуклонно отступала под натиском человека. Как же безоглядно мы «разрабатываем» природу! У меня каждый раз возникает жутковатое ощущение, когда я въезжаю на поезде в город. Мимо с тяжким гулом проносятся груженные товарняки, набитые досками, налитые бензином. Они словно попадают в пасть огромного ненасытного чудовища, которое с легкостью поглощает их. Что будет, когда пища для монстра закончится?

Когда мы проезжали мимо, рабочие стали показывать на нас пальцами и что-то кричать. Видно, машина конкурента была им хорошо знакома. Я видела, как человек в оранжевой куртке стал связываться с кем-то по рации.

Впереди показалась черная «Волга». Подъехав поближе, она резко развернулась, перегородившая нам дорогу. Федосеев резко затормозил. Объехать ее было невозможно – лес плотно подступал с обеих сторон. Мы начали пятиться задом.

– Вот сволочь! – выругался Дима.

Бульдозер, который мы только что обогнали, встал наискосок, отрезая нам отступление. Это какая-то партизанщина! Дверь подъехавшей «Волги» хлопнула. Вышедший мужчина, худой и скуластый, заорал нам:

– Какого хрена ты здесь шпионишь! Вали отсюда, пока не раскатали!

– А кто мне может запретить! – смело крикнул Иван Николаевич. – Ты, что ли, Кашей?

– Это значит, я – Кашей? – возмутился мужчина. Он сделал знак водителю бульдозера, тот с ревом газанул и покатился к нам. Земля дрожала под его гусеницами, он все надвигался, надвигался. Толчок! «Уазик» жалобно скрипнул, подавшись вперед, гусеницы заскребли по нашей машине. Выпустив пар, «киборг судного дня» остановился.

– Ну что, убедился, – крикнул Кашей, – кто здесь хозяин? Еще раз приедешь – он не остановится! Будут консервы из тебя, – мужик неожиданно тонко хихикнул, – шпротный паштет в плоской банке.

– Видели, – сказал Иван Николаевич, когда нам дали проехать, – какой беспредел! Что хотят, то и делают! Настоящая война! Есть разведка – тот мужик доложил по рации о нашем визите, есть группа быстрого реагирования и группа силовой поддержки.

– Гады, – бурчал Дима, вертя баранку, – всю машину исцарапали. На них за это в суд надо подать!

– Ничего, – утешился Иван Николаевич, – когда они к нам приедут, мы на них случайно сосну уроним!

– Иван Николаевич, – попросила я, – расскажите мне о Цыплакове.

– А чего там больно рассказывать! Ворюга он отменный, – со злостью сказал директор, – поддержка у него из Тарасова: бандиты, чиновники. Знаете, у них там все распределено, – он замаялся, подыскивая слово, – они, так сказать, курируют каждый свой район. Раньше, в девяностых, вообще фермеров жгли, кто платить не хотел! Сейчас вроде успокоились, другие методы давления появились, всякие там налоги, инспекции. Никто с ним связываться не хочет – вмиг обанкротит.

– А почему вы с ним не договоритесь? Ведь он вам сильно помешать может.

– Ему платить придется, большие деньги. Для этого нужно будет лес по-черному рубить. Вон как они, – Крынин махнул в сторону Юрьева, – а я этого не хочу. Мы работаем на малых оборотах, зато нам всем хватает, и природа не так сильно страдает. А этим лишь бы сейчас хапнуть, а потом хоть трава не расти!

Мы с Оксаной ехали в поезде, уносящем нас от Гурьева.

Купе, конечно, в этом «экспрессе» не было, и мы устроились на жестких полках плацкарта. В Курковский район ходили еще и автобусы, но от запаха бензина меня мучило. По мне лучше подольше ехать, да здоровее быть.

– Понимаете, Оксана, – объясняла я женщине, – я лишь выбираю кандидатуру для передачи, утверждают ее другие. На вас должно посмотреть руководство, главный режиссер, оператор. Ну, ничего, – подбодрила я ее, – вы чертовски фотогеничны, вас в любом случае утвердят!

– А вы пошлете оператора к нам, чтобы помочь моему мужу? – Оксана просительно посмотрела на меня.

– Я поняла, что ваш муж хочет громкого резонанса. Мол, если об угрозах услышат в Тарасове, то шантажисты побоятся что-либо предпринимать?

– Я думаю, – робко сказала женщина, – если губернатор или кто-нибудь из высшего руководства увидит передачу, они возьмут все под личный контроль. Ведь это же беззаконие!

Эх, Оксана, знали бы вы, какие предприятия разваливали в Тарасове для передачи их другому собственнику за бесценок! Ваш маленький лесхоз по сравнению с ними просто карлик! Чего только стоит передел Кружкинского хлебокомбината.

Успешнейшее и богатейшее предприятие области развалили лишь потому, что его здание располагалось в центре города, удобном месте для казино!

– Замечательно, милочка! – радовалась Галина Сергеевна, наш режиссер, когда мы прибыли в Тарасов. – Очень хорошо, что вы приехали! Передача будет незабываемой, как пить дать! Оксана просто умопомрачительна!

– Да, – прервала я фонтан эмоций, – хорошо, что мне удалось уговорить Оксану приехать!

Павлик тоже замето обрадовался нашему прибытию. Оксана узнала его сразу. Они разговорились о былых днях. Тогда наш оператор снимал бодрый репортаж о нововведениях на селе.

– Тогда вы были совсем мальчиком, – умилилась Оксана, – а сейчас стали таким взрослым!

– Я тогда камеру чуть ли не в первый раз держал, – улыбнулся Павлик, – все боялся что-нибудь неправильно сделать.

Оставив друзей ностальгировать, я ненадолго отошла. Надо найти Валерку Гурьева, чтобы расспросить о некоторых персонажах наметившейся истории. Криминальный репортер крутился около бухгалтерии. Он всем своим видом выражал возмущение.

– Не хотят, паразиты, командировочные оплачивать! – посетовал он мне.

– Слушай, Валерка, ты не знаешь случайно никого из села Гурьево? Может, твои предки оттуда? – пошутила я над совпадением его фамилии с названием села.

– Не знаю, – репортер развел руками, – вроде я там не был.

Вот те раз, Валерка где-то не был!

– Может, вспомнишь такого – Цыплаков его фамилия? Говорят, половину Курковского района держит в страхе.

– Так бы сразу и говорила! – вскричал Валерка. – Цыпу я, конечно, знаю. Он раньше в Тарасове обретался, а потом уехал. Покою захотел. Такой колоритный тип, отсидел за все подряд, начиная с воровства и кончая мошенничеством и спекуляцией.

– А откуда ты его знаешь? – спросила я, уже предполагая, какой будет ответ.

– Да выпивал с ним на одном банкете! Чем-то его доверие вызвал, он мне про себя как начал рассказывать!

– Скажи, а он может пойти на шантаж, чтобы добиться своего?

– Смотря на какой! А в чем дело-то?

Я попыталась вкратце изложить историю с лесхозом Крынина. Во время моего повествования глаза Валерки блеснули – криминал был его стихией.

– Говоришь, детям угрожают? – задумчиво сказал он. – Нет, Цыпа на это не пойдет, он детей любит, сам говорил. Хотя... Черт его знает, столько лет прошло!

– А Казей Васильевич тебе знаком?

– Откуда ты знаешь Кашея? – завопил Валерка. – Где эта гнида всплыла, говори скорей!

Оказывается, Валерка учился вместе с Казеем в школе. Имечко было редкое, второго такого просто нет. Уже в детстве Кашей был жутко мстительным ребенком, он не прощал ни малейшей обиды. Мстил так, что даже старшие боялись к нему приставать. Я вспомнила гусеницы надвигавшегося бульдозера и поежилась – хорошо, что у меня с ним нет никаких счетов.

– Удивляюсь, – разглагольствовал Валерка, – как он в лесхоз попал! Ему в концлагерь надо было идти!

Володечка открыл дверь, я бросилась ему на шею. Все-таки два дня не виделись, и каких дня! Я представила ему Оксану, которой предложила пожить у нас до съемок.

– Очень приятно, – галантно сказал мой муж, целуя ей руку, – вам у нас понравится. Конечно, – он скосил на меня смеющиеся глаза, – если Ира не доконает вас своей музыкой.

– Что вы, что вы! – воскликнула Оксана. – Я очень люблю музыку, особенно классические произведения!

Да мы просто родственные души! Когда я включила «Времена года» Вивальди, Оксана закрыла глаза. Видно было, что это произведение доставляет ей истинное наслаждение.

– Знаешь, как можно сделать, – сказал Володька, когда я рассказала ему о проблемах Крынина. – Просто во время передачи задашь Оксане наводящий вопрос, и она расскажет об угрозах.

– Да, но как это будет вписываться в концепцию моей программы? – поинтересовалась я.

– У тебя все равно прямой эфир, кто тебе сможет помешать?

Ему хорошо говорить, а мне влетит от начальства.

Представляю, как обалдеют домохозяйки, услышав посреди рассказа о прекрасной женской доле в деревне такую тревожную новость.

Оксану уже гримировали, готовя к эфиру, а я все думала, как поступить с ее делом. Когда Галина Сергеевна давала последние инструкции – по каждому вопросу быть краткой, не сморкаться во время съемок, не блуждать глазами по залу, я все же решилась. Что я теряю, не выгонят же меня, в самом деле!

– Оксана, – обратилась я к женщине, когда мы поднимались в студию на лифте, – я спрошу у вас: «Неужели нет ничего, что омрачало бы ваше счастье?» – и вы расскажете о проблемах мужа и лесхоза. Только без перегибов, не слишком долго и не слишком эмоционально. Как бы походя, мимоходом, хорошо?

Зрители уже расселись по своим местам, ждали только нас. Я чувствовала привычное волнение. Все-таки прямой эфир – это не шутки. Помню, в первое время я боялась, а вдруг забуду слова? А что, это очень легко, глядя в глазок телекамеры, осознавая, что на тебя смотрит сейчас весь Тарасов, проглотить свой язык. Но как-то обходилось, нужные вопросы сами собой возникали в голове.

Павлик сделал мне знак, уже шла заставка передачи. Три, два, один, поехали!

– Здравствуйте, дорогие телезрители! – начала я вещать вкрадчивым голосом. – Когда эта передача готовилась к выпуску, я подумала: «А неужели женское счастье возможно только на фоне благ большого города?» Наша героиня Оксана Крынина живет в маленькой деревне Гурьево Курковского района и при этом считает себя счастливым человеком. Это в очередной раз доказывает, что женщина может быть счастлива в любых условиях! Итак, мы начинаем ток-шоу «Женское счастье», с вами я, его ведущая Ирина Лебедева!

Все покатило своим чередом. Я задавала вопросы, зрители аплодировали, потом начались вопросы из зала, звонки в студию. Оксана держалась молодцом, отвечала не задумываясь, приятно улыбалась. Во время рекламного перерыва Павлик и Галина Сергеевна показали мне знаками, что все идет как надо. Сейчас пауза закончится, и я задам тот самый вопрос!

– Скажите, Оксана, а неужели нет ничего, – спросила я с замиранием сердца, – что замутняло бы ваше такое спокойное, ровное счастье?

И Оксана начала рассказывать. Я видела, как вытянулись лица моих режиссера и оператора. Павлик стал отчаянно жестикулировать, показывая, чтобы я прервала это. Но я не обращала на него внимания. Ведь сделанного не воротишь.

Зал буквально взорвался, зрители наперебой задавали вопросы, начались звонки в студию. Публика была в основном знакомая, родственники и друзья работников телецентра или постоянные телезевачи, которые вечно просились на съемки. Они были предупреждены о том, какую грань нельзя переходить в своих вопросах. Но сейчас все словно с катушек слетели. Слышались даже предложения вроде: «Мочить козлов» и «Очистить от скверны землю русскую».

– Итак, дорогие друзья, – сказала я как ни в чем не бывало, – мы могли в очередной раз убедиться, что счастье не бывает безоблачным. Надеюсь, что компетентные органы обратят внимание на эту историю. А сейчас, Оксана, расскажите, каково было городской девушке, жившей на проспекте Кирова в центре Тарасова, после переезда в небольшой поселок?

Я таким образом отвлекла внимание зрителей и повернула программу в нужное русло. Ничего, главное уже прозвучало.

– Ты с ума сошла, – прошипела мне Галина Сергеевна после эфира, – знаешь, что уже звонили из правительства и интересовались?

– Я этого и добивалась, – сказала я. На моей душе было на удивление спокойно. Такое эйфорическое безразличие охватывало меня всякий раз после передачи.

– Да нас же всех пропесочат! – воскликнула женщина возмущенно. – Похоже на сговор – накануне выборов тревожный разговор об уничтожении леса и угрозах! Надо же понимать, Ирина!

– Может быть, – отчеканила я, – благодаря этому отцы города обратят внимание на проблемы сел и деревень!

Оксана благодарно смотрела на меня. У нее был такой вид, будто губернатор уже подписал документ о расформировании Юрьевского лесхоза и аресте Цыплакова с Кашеем.

– Ну и чего ты добилась этим? – спросил меня Валерка, прибежавший к нам сразу после съемок. – Думаешь, кто-то пошевелится? Держи карман шире, забудут через пять минут!

Он был абсолютно прав. Русские люди быстро забывают плохое. Такая вот особенность национальной психики, иначе мы бы все давно сошли с ума!

Раздался мелодичный звонок моего мобильного телефона. Я поглядела на определитель – звонили из Гурьева. Наверное, Иван Николаевич хочет поблагодарить меня за смелость.

– Ирина, – раздался в трубке искаженный голос Димы Федосеева, – берите Оксану и немедленно приезжайте!

– В чем дело, Дима? – удивилась я.

– Иван Николаевич погиб!

– Почему, что случилось? – оторопела я, но Дима не отвечал, он повесил трубку. Я несколько раз перезвонила, но там было занято. Что я скажу Оксане? Посмотрев на мое искаженное лицо, женщина встревоженно спросила:

– Что-нибудь случилось?

– Нет-нет, ничего! – Я вышла из комнаты и снова начала названивать в Гурьево. Не может быть, это какая-то ошибка! Или злая шутка. Наконец я дозвонилась.

– Слушаю, – сказал незнакомый мне человек.

– Что случилось с Иваном Николаевичем? – почти закричала я. – Где Дима Федосеев?!

– Иван Николаевич погиб на охоте, – грустно ответил незнакомец, – а у Димы истерика, мы его увели.

Оксана лежала на кровати, вид у нее был безразличный ко всему. Это было немудрено после той дозы транквилизаторов, которую вколол ей врач. Там, на телестудии, Оксана пережила, наверное, самые страшные минуты своей жизни. Она все повторяла: «Я не верю, не верю!» Потом с ней приключилась истерика, она неудержимо рыдала, судороги буквально разрывали ее. Если бы не лекарства, не знаю, что бы сейчас было. Наверно, люди могут умереть от горя.

У меня самой на душе было невероятно тяжело, как будто я потеряла близкого человека. За эти несколько дней я так срослась сердцем с Оксаной и ее мужем, что сейчас тоже была близка к истерике. Заметив это, Володька взял меня под локоть и отвел в сторону:

– Ирка, ты выпей чего-нибудь, полежи! Нельзя себя так терзать. А я с ней посижу.

Я согласилась и пошла немного отдохнуть. Когда Оксана пришла в себя, она сказала глухим голосом:

– Я должна быть там, нужно проводить мужа в последний путь.

Естественно, ее нельзя было отпускать одну, поэтому я поехала в телецентр отпрашиваться у Кошелева.

– Ну что ж, – вздохнул Евгений Васильевич, – хоть ты и провинилась, я тебя отпускаю, раз такой случай. До следующей передачи еще далеко, поэтому можешь чуть-чуть задержаться.

Все-таки у меня необыкновенно понятливый начальник. Другой бы наорал вначале, потом бы выслушал. Если бы все на ГТРК были такими!

Узнав, что я еду в Гурьево, Павлик попросился со мной, начинался его законный отпуск. Я с радостью согласилась, ведь мужская поддержка никогда не помешает.

Когда мы вышли из поезда, то увидели, что на станции нас никто не встречает. Конечно, им было не до того. Кругом не то что машин, людей не было. Нам очень повезло, когда мужик, проезжавший мимо на телеге, согласился нас подвезти. Мы взобрались на сено и уселись с относительным комфортом.

– На похороны к директору едете? – спросил нас мужик. – Пойдите, а вы, случайно, не его жена будете?

Он долго выражал соболезнования, горестно вздыхая, какой хороший был человек Иван Николаевич. Не люблю, когда такие усердные сострадальщики попадают, ведь легче от их причитаний не становится.

Пегая лошадка неспешно трусила по грунтовке, казалось, что дороге не будет ни конца ни края. В прошлый раз, на машине, мы домчались за десять минут, сейчас же ехали уже полчаса, а лесхоз все не показывался.

Не визжали пилы, не пахло опилками, казалось, что лесхоз вымер. В Гурьево тоже было пустынно. Мы слезли с телеги и, поблагодарив мужика, пошли пешком. Еще издали мы увидели толпу людей возле дома Крыниных. К нам подбежали какие-то тетки в черных платках.

– Ой, да что же это делается, господи, да на кого ж он тебя оставил! – повторяли они на разные лады. До этого Оксана крепилась, а тут не выдержала, и слезы сами собой потекли по щекам. Ненавижу профессиональных плакальщиц – доводят себя до молитвенного экстаза, готовы рыдать как заведенные!

Раздвинув теток, мы зашли за ограду. Увидели Марию Павловну, Петю, Сашу – все они подходили выражать сочувствие. В доме распоряжались родственники со стороны мужа, жившие в Юрьеве. Мать и брат Ивана Николаевича по очереди подошли к Оксане и обняли ее.

Люди расступились, и я увидела гроб. Он был закрыт – видимо, погибший был сильно изуродован. Приникнув к крышке и закрыв глаза, у гроба сидел Федосеев. Он увидел нас и вскочил.

– Что же это делается? Да как же так случилось? – забормотал он. Я поняла, что Дима невменяем, и отвела его в сторону, давая Оксане спокойно проститься с мужем.

– Пойдите здесь, – сказала я. – Ничего, переживем!

– Переживем?! – вскричал Дима, дико вращая глазами. – Никогда! Что мы будем без него делать! Все пропало! – Он зарыдал.

Я огляделась в поисках мужчин, чтобы они уняли парня. Павлик взял его под локоть и что-то тихо зашептал на ухо. Лицо Федосеева разгладилось, он стал кивать головой, отвечая на какие-то вопросы нашего оператора. Ай да Павлик! Не ожидала обнаружить в нем такие таланты психотерапевта!

В углу, тихие и молчаливые, стояли двое детей. К ним подошла мать Ивана Николаевича и взяла за руки. Точно, это дети Ивана Николаевича! Девочке, судя по виду, исполнилось не больше четырнадцати лет, а мальчик был совсем маленький. Бедняжки, скорей всего, они еще не осознают, что произошло! Помню, в детстве у меня была подруга Даша. У нее на глазах умер отец. Пришел с работы и упал в коридоре – отказало сердце.

Моя мама посоветовала поддержать подружку, прийти к ней. Я ожидала, что Даша будет убита горем, но вместо этого увидела ее веселой, как обычно. Мы старательно избегали обсуждать последнее событие, мне даже не пришлось успокаивать или утешать ее. Дело в том, что дети не всегда понимают, что смерть – это навсегда...

– Пойдемте со мной, – шепнул мне подошедший Петя, – вы должны это увидеть. – Он повел меня в другую комнату.

– Вот, смотрите, – сказал он, доставая какую-то грязную тряпку из-под кровати, – это было на Иване Николаевиче, когда он погиб.

Мне сделалось дурно. Я поняла, что это не грязная тряпка, а изорванная одежда, заляпанная бурными пятнами. Что же с ним случилось на охоте? Я до сих пор ничего не знаю.

– Видите, – Петя показал на дыры в рубашке, – это следы волчьих зубов. Директора загрыз волк.

– Как! – ахнула я. – Ведь вы говорили, что волки просто так на людей не нападают!

– В том-то все и дело, – вздохнул Петя, – не нападают. Ох, неспроста это все...

Я внимательно осмотрела одежду – в нескольких местах были вырваны клочья. Свирепый хищник несколько раз вцеплялся в тело несчастного, а затем загрыз его. Кроме пятен засохшей крови, были еще и масляные.

– Как его нашли? – спросила я, сдерживая подступающую тошноту.

– Одна женщина пошла за грибами, – пояснил бульдозерист, – смотрит: лежит кто-то. Вначале не узнала, ведь лицо было сильно повреждено. Только потом поняли, что это Иван Николаевич, когда сюда принесли. Я ружье его узнал, такого приклада с вырезанным силуэтом медведя ни у кого не было.

– А почему он не стрелял?

– Ружье было разряжено. Неподалеку нашли утку. Он ее застрелил, а перезарядить не успел.

Интересное дело получается: директор получает письмо с угрозами в свой адрес, потом нас пытаются задавить на бульдозере, а через несколько дней Иван Николаевич погибает от зубов волка. Слишком уж много совпадений.

Когда печальный ритуал закончился, односельчане собрались помянуть Крынина. В доме поставили длинный стол, на котором стояли щи, кутья и селедка. Эти поминки отличались от городских. В городе на поминки приходят порой какие-то посторонние люди, дальние родственники, сослуживцы, которые не слишком тесно общались с покойным. Здесь же все были как одна большая семья, горе было искренним. В деревне люди чище и добрей. Даже когда все порядком выпили, не было слышно посторонних разговоров.

– Мы проводили сегодня замечательного человека, – сказала Мария Павловна, вставая, – трудно будет заменить его. Надеюсь, что Дима Федосеев сохранит традиции нашего хозяйства, когда приступит к руководству.

Надо же! Дима будет исполнять директорские обязанности! На мой взгляд, он слишком мягкий человек для этого.

– Спасибо за ваши слова, Мария Павловна, – глухо сказал Дима, – но я думаю, что никто не заменит нашего шефа, – он по-детски всхлипнул.

– Ну-ну, Димочка, – сказала Оксана, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать, – только ты можешь встать на его место. Мы все тебе верим!

Павлика и меня поселили в разных комнатах. Перед тем как лечь спать, я переговорила с оператором.

– Паша, как ты думаешь, директор погиб случайно?

– А как ты подгадаешь нападение дикого зверя? – резонно заметил Павлик.

– А почему ты решил, что он дикий? Может, он ручной, специально натренирован на определенного человека?

– Ага, как зомби в американских фильмах!

– Может, это вообще не волк, есть же специально обученные собаки, – размышляла я. – Я читала мемуары Людмилы Гурченко. Так вот, там она рассказывает, как ее с матерью во время войны с немцами загоняли в «душегубку» овчарки, которые загрызали сопротивляющихся. Так что и такое бывает.

– Ну ты загнула! – посмеялся Павлик. – Такое часто на охоте случается, то медведь кого-нибудь задерет, то волк.

Все-таки я считаю, что нужно будет проверить мое предположение. И следы надо искать в Юрьеве. Завтра попрошу мать Ивана Николаевича познакомить меня с местными жителями.

Кстати, интересно, почему родители директора остались на «оккупированной» территории? Неужели им там хорошо живется?

Я вспомнила Казея-Кашея и усомнилась, что этот человек оставит кого-нибудь в покое.

Глава 3

– Я сама родом из Юрьева, жила там всю жизнь, вот и привыкла, – объясняла мне Ася Петровна, мать Крынина, – а насчет того, что нам там житья не давали, так не было такого. Всегда дружно жили, там все, как родные. А Казей этот не местный, живет на отшибе, в коттедже.

– А как же рабочие, которые ему по рации про нас сообщили, а потом нас бульдозером давили?

– Это его прихвостни, их немного. Живут тоже особняком, все приезжие. Наши, юрьевские, их не любят.

Я уговорила старушку познакомить нас с односельчанами. Мы вновь поехали на «уазике» вместе с Димой. Он немного отошел, лишь выглядел хмурым. Когда мы прощались, он попросил нас быть осторожными – все-таки вражеская территория.

– И зачем вы туда едете, ума не приложу, – причитал он, – неужто не поняли, какие там люди живут?

– Оставь это, Дима, – строго оборвала его Ася Петровна, – такие же люди там, как и здесь. Ира с Павликом едут готовить передачу про ваших врагов, как они лес разоряют.

Мы выдумали эту версию для родни и знакомых Ивана Николаевича, чтобы не волновать их лишний раз. Ничего, под этим соусом сможем получше узнать предполагаемого противника.

Эта деревня понравилась мне гораздо меньше, чем Гурьево. Она стояла на голом месте, деревьев вокруг было немного. Но самое плохое – она была слишком рационально построена.

Два длинных ряда практически одинаковых домов тянулись вдоль реки. И что здесь может нравиться Асе Петровне? Нет такого очарования хаоса, присущего природе, как в Гурьеве.

Ася Петровна подвела меня к группе сидящих на завалинке стариков. Бабки и дедки апатично грызли семечки, перебрасываясь ничего не значащими замечаниями. Они поохали и повздыхали, выражая сочувствие матери Крынина. Прибытие тележурналистки из Тарасова стало для них настоящим событием – они забросали меня вопросами.

– Я всегда вашу передачу смотрю, – возбужденно тараторила старушка в белом платочке, – удивляюсь, где вы таких женщин находите? Все они счастливые, радостные!

– Стараемся, – скромно ответила я, – ходим, спрашиваем. Иногда через знакомых находим.

– Так ведь это понятно, – махнула рукой другая бабка, в темном платке, – в городе счастливых больше.

Понятно, хорошо там, где нас нет. Надо как-нибудь остаться наедине со старожилками, не тревожить же мать-старушку расспросами, касающимися смерти ее сына.

– А что, правда вы будете здесь свою передачу снимать? – спросил сухонький седой старичок, сидевший с краю.

– Конечно, мы готовим цикл передач про деревню, – соврала я, – согласно последним опросам населения, городской зритель очень интересуется, как вы живете!

– И чего они тут не видели, – махнул рукой дедок, – ничего интересного!

Главное, что контакт с аборигенами налажен. Мы с Павликом пошли за Асей Петровной к ней домой. Потом можно будет вернуться на завалинку и выведать у стариков что-нибудь интересное.

В избе пахло яблоками и сушеными травами. Запах, напоминавший о далеком детстве и о бабушке. Старушка напоила нас козьим молоком, замечательно вкусным и сытным. Молоко в пакетах, продающееся в Тарасове, просто жалкое подобие этого дивного деревенского напитка в масштабе 1:43!

Под предлогом, что идем выбирать места для будущих съемок, мы с Павликом покинули Асю Петровну.

– И что ты надеешься тут узнать? – спросил меня оператор. – Думаешь, тебе расскажут про волка-убийцу, которого послал злобный Кащей?

Не обращая внимания на его иронические замечания, я направилась к уже знакомой мне группе стариков. Как известно, пожилые люди знают все и обо всех и охотно делятся информацией. Мы присели рядом с ними.

– Вы смотрели нашу последнюю передачу? – поинтересовалась я у фанатки «Женского счастья».

– Конечно, – оживилась бабка. – А правда, что сынку Аси угрожали?

– Правда, – подтвердила я, – и есть подозрения, что это ваш Казей Васильевич постарался!

– И вовсе Кащей не наш! – возмутился худенький старичок. – Он лесхозовский, а мы сами по себе.

– Но что-нибудь вы про него знаете?

– Мы все про него знаем, – бабушка в белом платочке нетерпеливо облизнула губы, – про его холопов злых, что на хуторе живут!

– Что за хутор? – удивилась я.

– Это так вон та часть села называется, – пояснила бабка, показывая вдаль, – там лесхозовцы живут. Туда никто, кроме них, не ходит. Говорят, что у Кащея батрак есть, страшный, жуть!

– Я сама его видела, – перебила вторая, – шрам поперек рожи, мрачный, как черт!

– Михаилом его зовут, – сказал старичок, – готов любого по приказу хозяина убить!

– И главное, – волновалась одна из сплетниц, – этот душегуб волчонка в лесу нашел и воспитал. На охоту, говорят, с ним ходит!

Мы с Павлом переглянулись. Я торжествовала, ведь о такой удаче трудно было даже мечтать!

– Вы уверены? – спросил Павлик, прищурившись.

– Конечно! Мой сын Андрюшка их в лесу видел. Огромный волчище вымахал, как теленок!

– А как найти этого Михаила?

– В сторожке он живет, у хозяйского дома. Только вы туда не ходите, они на чужаков собак спускают. Или волков! – добавила бабка.

Узнав, как отличить дом Кащея от остальных, мы двинулись на хутор.

– И что ты делать собираешься? – уныло спросил Паша. – Я за волком бегать не намерен, не хочу деревянный сюртук надеть раньше времени!

– Не бойся, – успокоила я его, – мы просто понаблюдаем, так ли этот волк страшен.

– Ага, – воскликнул оператор, – когда он откусит нам руки и ноги, мы докажем, что он опасен!

Дом Кащея возвышался над остальными на хуторе, как дворец. Высоченный забор из красного кирпича исключал вероятность какого-либо наблюдения.

– Ну и как мы будем следить? – не выдержал Павлик. – Дырку в кирпичях ковырять, как граф Монте-Кристо?

Я пошла вдоль забора, не обращая внимания на ерничество Павла. Иногда он становится просто невыносим.

– Давай, Павлик, вперед! – сказала я, указывая на разлапистую липу, которая росла прямо около ограды. – Ты залезешь первым и затащишь меня!

– Сезон гнезд прямо-таки, – ворчал Паша, карабкаясь на дерево, – неймайся нам!

Густая листва липы надежно скрывала нас от обитателей дома. Лучшего поста для наблюдения было не сыскать, весь двор открывался нам как на ладони. За забором бегали две угрожающего вида собаки, видно, хозяин не жаловал незваных гостей.

Из дома вышел белобрысый мальчик лет тринадцати на вид. Он постоял на крыльце и стал слоняться по двору. Скучно жить во дворце, пусть даже в таком шикарном – поиграть не с кем. Наверное, это сын Кашея. Папа настроил против себя всю деревню, а сынок отдувается.

Мальчик побегал за курами, потом попытался прокатиться на свинье. Эти занятия скоро надоели ему, и он пошел в небольшую будку, стоявшую напротив нас у забора.

– Миша, – заорал пацан, – поиграй со мной!

Из будки вышел высокий суровый мужчина со шрамом на лице. Так вот он какой, этот Михаил! Он посмотрел на мальчика, потом снова зашел в будку и вынес оттуда лук со стрелами.

– Ну поиграй со мной! – канючил подросток.

– Некогда! – бросил Михаил, вручая ему лук. – На вот, постреляй!

Пацан взял это «оружие индейцев» и пошел к дому. Вначале мишенью ему служила стена сарая, на которой он мелом нарисовал круги. Потом его заинтересовали голуби на крыше, и мальчишка начал стрелять в них. Естественно, ни разу не попал, юркие птицы взмывали в воздух еще до того, как он натягивал тетиву.

Павлик пошевелился, разминая затекшие мышцы. Он нечаянно задел ветку, и она закачалась. Этим он привлек внимание юного «Чингачгука», мальчик заинтересованно глянул в нашу сторону, наверное, подумал, что в кроне прячется птица. Час от часу не легче! Он достал стрелу и прицелился в нашу сторону. Мы с замиранием сердца ждали выстрела. Тетива задрожала, но летящей стрелы я не заметила. Только увидела, как Павлик как-то странно дернулся, словно поперхнулся. Ужас! В его ступне торчала эта проклятая деревяшка! Я услышала, как Паша тихо матерится.

– Терпи, Паша, птицы не матерятся! – я положила руку ему на плечо. Он даже оторопел.

– Какие, к черту, птицы? – прошипел он. – Этот сопляк мне ногу прострелил!

– Тсс! Он думал, что на дереве птица!

Все оказалось не так страшно, как я думала. Стрела застряла в крепком ботинке Павла, лишь немного поцарапав ступню. Главное, чтобы мальчик не полез за добычей. К счастью, парнишка не стал продолжать трюки Робин Гуда и вскоре ушел в дом. Мы долго сидели на дереве, но ничего не происходило. Двор словно вымер, даже куры и свиньи заснули. От долгого сидения спину начинало нестерпимо ломить, корявые ветви не располагали к комфорту.

Уже начало смеркаться, когда к воротам подъехала знакомая черная «Волга». Она посигналила, и из будки вышел Михаил.

– Привет, Миша! – поприветствовал работника Казей Васильевич. Я узнала этого человека, несмотря на сумерки, его худая фигура и скуластое лицо были хорошо запоминающимися.

– Сколько сегодня сделали, хозяин? – глухо спросил Миша.

– Два гектара расчистили! – довольно усмехнулся Кашей.

Разговор двух вурдалаков: «Ты сколько сегодня крови высосал?» Другого сравнения нет. Неужели такая работа может доставлять удовольствие? Я вспомнила слова Ивана Николаевича: «Если не я – то кто же?» Он делал свое дело из чувства долга и, как это ни парадоксально звучит, из любви к природе. А этот лесоруб как будто упивается осознанием своей мощи!

– Казей Васильевич, – голос Михаила стал просительным, – раз уж вы приехали, можно я на охоту пойду?

– Иди, коли не шутишь, – усмехнулся его хозяин. – Небось опять Серого с собой возьмешь? Гляди, чтобы не было как в прошлый раз, а то от крови не отмоешься!

Михаил пошел к сараю, предварительно привязав собак. Когда он вышел оттуда, то вел на поводке крупного серого волка! Псы стали дико лаять, беснуясь на привязи. Миша вскинул на плечо двуствольное ружье и пошел к воротам. Волк послушно шел рядом.

«А то от крови не отмоешься!» – звучала в моей голове последняя фраза Кашея. Жуткие слова – уж не про Крынина ли это? Мы стали осторожно спускаться с дерева. Паша не прекращал ворчать:

– Проклятое дерево, проклятый мальчишка, долбаный волк! Как меня все достало! – шептал он себе под нос.

– Прекрати, – одернула я его, – ты разве не слышал, о чем они говорили?

– Слышал, – нехотя ответил Павлик. – И что теперь – по лесу за ним бегать?

Миша пошел по улице, а мы, пригибаясь, короткими перебежками тронулись за ним. Вскоре он углубился в небольшой перелесок возле хутора. Уже было настолько темно, что мы спотыкались чуть ли не о каждую кочку и корень. Охотник же шел прямо, не запинаясь. Прибор ночного видения у него, что ли?

За перелеском было поле. Михаил ушел далеко вперед, а мы ждали, когда он скроется в темной и страшной стене леса, видневшейся вдалеке.

– Что ты там увидишь? – резонно возмутился Паша. – Думаешь, он убивать пошел?

– Пойдем, – сказала я с преувеличенным мужеством в голосе – мне самой страсть как не хотелось идти в чащу, где бродит мужик с чудовищем на поводке. Да мало ли, кто там водится, а у нас не то что ружья – ножа нет.

В лесу было темно, как в погребке. И тихо, слишком тихо. Мы не слышали ни единого звука, кроме шуршания листвы у себя под ногами. Может, Михаил затаился где-нибудь и ждет удобного момента? Я вспомнила изорванную и окровавленную одежду Ивана Николаевича, и по моему сердцу прошел могильный холод. Внезапно я увидела два больших светящихся глаза, смотрящих прямо на меня. Я вцепилась в руку Павлика. Он, кажется, был напуган еще больше меня – рука его дрожала. Кусты с треском расступились, из них вылетела большая птица, хлопая крыльями. Фу-ух, да это же сова!

– Пойдем домой, – зашептал Паша, – а если мы медведя встретим?

– Вперед, – сказала я с неизвестно откуда взявшимся упорством, – с песнями!

Паша покорно двинулся за мной. Мы раздвигали тугие ветки кустов, листья гладили нас по лицу. Фу, какая гадость: я, кажется, залезла в паутину! Очистив лицо от неприятной субстанции, я шагнула вперед и... полетела вниз по какому-то склону. Я чувствовала, что Павлик катится за мной. Наконец я остановилась, почувствовав под руками жидкую грязь. Павлик поддал мне сзади, и я проехала еще дальше.

– Черт, извалялись как свиньи! – зло прошептал Паша.

Я не ответила, только с ужасом поняла, что грязь под моими руками зыбко трясется. Это болото!

– Ползи назад! – приказала я оператору.

– Зачем? – не понял он.

– Идиот, мы в трясине! – чуть не заорала я.

Павлик осторожно пополз назад. Когда он встал на твердый берег, то стал шарить по кустам в поисках ветки, чтобы вытянуть меня. Колени и руки с чавканьем входили в гадкую жижу. Ощущение было, как будто меня заглатывает огромный слизняк. Вонь от болота была отвратительной, из-под грязи сочилась гнилая вода. Я вспомнила ужасные кадры из фильмов, в которых голова тонущего медленно-медленно скрывается в трясине, и яростно забарахталась. Это не помогло. Болото разверзлось с тихим всхлипом еще больше, и я провалилась почти по пояс.

– Павлик, быстрее, родненький, – зашептала я жалобным голосом.

– Сейчас, Ирина, держись! – Павлик с хрустом отломил толстую ветку и протянул ее мне. Я вцепилась в нее со всей силой, на которую была способна.

Когда я наконец вылезла из трясины, мой вид был ужасен. Одежда, покрытая толстым слоем жидкой грязи, прилипла к телу, мешая двигаться.

– Ну что, довольна? Пойдем назад? – отчитывал меня оператор. – Или еще немного развлечемся? Может, утонем наконец?!

Я молчала, чувствуя свою неправоту. В самом деле, что мы можем увидеть в таких дебрях? Жалко было, что вероятный убийца уплывал из рук, а ведь еще минуту назад казалось, что дело в шляпе.

Мы побрели назад. Сюда дошли быстро, а обратный путь показался долгим. Кажется, я не видела этого холмика? А может, не обратила внимания? Когда через десять минут мы все еще не дошли до опушки, стало ясно, что мы заблудились.

– Мать твою, – ругался Паша, – только этого нам не хватало!

Мы взяли правее. Говорят, что человек в лесу заворачивает влево, так как сильнее отталкивается правой ногой. Но это не помогло. Начался редкий ельничек, который мы в глаза не видели.

– Что же нам делать? – трясся Паша.

– Не бойся, – успокаивала я его, – не в тайге, выберемся!

Я смело вломила в плотные кусты. Что-то твердое остановило меня. Я протянула руку и наткнулась на чье-то мохнатое и теплое тело.

– Мамочки! – взвизгнула я не своим голосом. Из чащи, похрюкивая, с треском стало ломиться какое-то крупное животное.

– Кабан! – заорал Павлик, хватая меня за руку. – Бежим!

Мы ринулись обратно. За нами, ломая ветки и свирепо хрюкая, бежал дикий вепрь. Мы не можем соревноваться с ним в скорости! Наткнувшись на ствол дерева, я увидела путь спасения.

– Наверх! – крикнула я Паше, обхватила дерево двумя руками и, как червяк, поползла по стволу.

– Быстрее! – закричал Паша.

Кабан уже подбегал к нам. Он стал неуклюже подпрыгивать, стараясь достать карабкающегося оператора. Но мой спутник резво подтянулся на руках и уселся на ветке.

Снизу доносилось сопение и хрюканье, «поросенок» был явно раздосадован нашим удачным бегством. Во мраке поблескивали лишь его клыки и глаза. Недобрые, скажу я вам, глаза! Как у школьного завуча, застукавшего прогульщиков вне стен школы.

– Хорошо! – Павлик довольно откинулся спиной на ветку. – Я люблю так гулять вечерами, искупаться в лечебной грязи, снять верхний слой загорелого эпидермиса о ветки, побегать наперегонки с добродушным кабанчиком... Что может быть полезней для здоровья!

Несмотря на наше невеселое положение, я расхохоталась. Действительно нелепо. Буквально позавчера мы с Пашей сидели в красивой телестудии, он снимал, а я вела передачу, а сейчас мы находимся на дереве где-то в дремучем лесу, и внизу нас подстерегает свирепый кабан!

Мы услышали какое-то шуршание, затем хруст. Приглядевшись, я поняла, что кабан роется в земле возле дерева. Интересно, зачем? Хрясь! Наше убежище задрожало, мы вцепились в ветки. Возня внизу продолжалась, грузное тело тяжело ворочалось в темноте.

– Эта сволочь подрывает корни! – Павлик уже не кричал, он констатировал факт.

– Зачем? – испугалась я. – Ведь кабаны не едят людей! Чего он к нам прицепился?

– А может, едят? Может, им витаминов в лесу не хватает? А тут два аппетитных работника телевидения!

Хрусть! Еще один корень! Неужели он способен повалить такое большое дерево? Вепрь стал тереться боком о кору. Мы чуть не свалились на землю от интенсивной тряски.

– Скраб для вашей свинки – просто мурчишь от удовольствия! – Оператор нервно схватился за сук. – Пошел вон! Давай-давай! – Паша кинул в зверя веткой.

«Свинка» не послушалась, а начала методично биться о ствол клыками. Я почувствовала себя спелой грушей. Того и гляди, стрясут и понадкусывают!

Невдалеке ухнула сова, совсем как в фильмах ужасов. Словно по сигналу, наше дерево затрещало и, не выдержав напора, начало крениться. Мы заорали от страха, предчувствуя, что рухнем вниз. С хрустом и скрежетом, раздвигая кроны соседних деревьев, ствол понесся к земле. Бум! Паша закачался на своей ветке, едва не свалившись на землю. Я ударила лбом о шершавую кору, расцарапав кожу.

Ствол нашего дерева, падая, попал в развилку раскидистого дуба. Кабан подпрыгнул, пытаясь достать нас в «живописном» полете. Вы видели хоть раз, как прыгают эти животные? Нет? Жаль, вы много потеряли! Приседая на задние лапы, как собака, тяжелый зверь отталкивается и, бешено мотая головой и половиной туловища, в слепой ярости пытается достать объект своего вождения. С непринужденной грацией и завораживающей первобытной красотой он плюхается обратно и вновь взлетает в воздух!

Просто не верилось, что все это может происходить со мной. Мы с Павликом стали карабкаться по наклоненному стволу по направлению к дубу. Я первая вступила в развилку надежного дерева. Павлик уже готов был последовать за мной, как вдруг вепрь прислонился к шаткому стволу! Оператор не удержался и с воплем ухнул вниз.

Что же будет?! Я ничем не могу помочь!

– Павлик, беги! – истошно завопила я. – Спасайся!

Паша, по-видимому, подвернул ногу – он сидел на земле и держался за нее обеими руками. Ну все! Абзац!

Что-то серое, быстрое, словно молния, вывернулось из кустов и кинулось на кабана. Раздался жалобный визг, смешанный со свирепым рычанием хищника. Это волк! Из огня да в полымя – сейчас он разделается со свиньей и примется за Павла!

Оператор медленно отполз с места сражения – волк вцепился в бок кабана, а тот вертелся, стараясь его сбросить. Наконец ему это удалось. Вепрь стремглав кинулся через кусты прочь, а волк даже не пытался его преследовать. Это только усилило мои опасения, что на десерт хищник избрал все-таки человека, а не свинью.

– Паша, – я стала швырять в зверя желудями и листьями, – ползи сюда!

Волк спокойно сел под деревом, даже не пытаясь прыгать или грызть Пашу. Он лишь жмурился и уворачивался от всякой дряни, которую я в него швыряла.

Как будто он чего-то ждет! Только чего? В наступившей тишине я услышала шаги. Это явно человек! Заросли раздвинулись, и на поляну вышел рослый мужчина. Михаил! Ну все – тушите свет! Сейчас нами закусят!

– Кто ты такая? – спросил Михаил мрачным голосом, посмотрев на меня. – Чего шариться в лесу?

– Гуляю! – пропищала я. – Никого не трогаю!

– А ну, слазь! – рыкнул мужчина. – Сейчас я посмотрю, кто здесь гуляет!

– Не слезу! – уперлась я. – Хоть режьте меня!

– Это запросто! – Михаил угрожающе надвинулся. – Думаешь, не сниму тебя?

– Не трогайте ее! – крикнул Паша из-за дерева.

– О! Еще один! – удивился охотник. – Сколько вас, гуляки? Небось еще семеро по кустам сидят?

Внезапно он шагнул к дереву и, подтянувшись на руках, запрыгнул наверх.

– Ну, – сказал он, сурово глядя прямо на меня, – признавайся, чего здесь делаешь?

Его лицо, пересеченное шрамом, выглядело угрожающим. Я не выдержала страшного соседства и сиганула вниз. Ноги впечатались в мягкую землю. Я схватила Павлика за шиворот и потащила прочь. Оператор дико хромал, охая и ахая.

– Серый! – спокойно скомандовал Михаил.

Сейчас из нас сделают шашлык! Волчище легко, словно играючи, вскочил на ноги и догнал нас в два прыжка. Грызть он нас не стал, лишь преградил нам дорогу, слегка ощерив клыки. Михаил спустился с дерева и не спеша подошел к нам.

– Ну что, беглецы, – усмехнулся он, – далеко убежали? Давайте быстро рассказывайте, кто такие и что здесь делаете!

– Мы здесь в гостях, – робко сказала я, мучительно соображая, что можно соврать, – пошли в лес и заблудились.

– У кого в гостях?

– У одной женщины, вы ее все равно не знаете.

– Я в Юрьеве всех знаю. А вас ни разу не видел. В нашем лесу трудно заблудиться, если только вы не пришли сюда ночью. Значит, вы пришли за мной, следили, значит, – его голос был размеренным и угрожающим. – А если следили, то из этого следует, что вы из Гурьева, копаете под Казея.

В логике ему не откажешь. Как возражать, когда все уже разложили по полочкам?

– Ну-ка по стойте! – Михаил схватил меня за руки и придвинул к себе. Паша приготовился ударить мужчину, я видела, как он непроизвольно сжал кулаки. – А я вас сразу не признал, в грязи, ободранную! Вы телеведущая, ведь так? Той самой передачи, где жена директора Крынина на Казея бочку катила?

Я молчала, отпираться было глупо. Положение аховое: нас раскусили, мы стоим в чертовом лесу, против нас мужик с ружьем и волк. Тела наши могут даже не найти.

– Значит, шпионите? – его голос не предвещал ничего доброго. – Вынюхиваете, высматриваете, думаете, как бы чего-нибудь плохое откопать?

– Ничего мы не думаем! – неожиданно для себя самой закричала я. – Вы сами такие вещи делаете, что вас трудно не бояться! Вначале давите нас на бульдозере, потом травите волками! Признавайтесь, чем вам мешал Крынин? Зачем вы его убили?

Немая сцена: Павлик тупо тарашился на меня, как на камикадзе-смертника, Михаил тоже словно проглотил язык.

– Чего вы добились этим убийством? – наседала я. – На место Ивана Николаевича сядет Дима и продолжит дело погибшего.

– С чего вы взяли, что это я убил вашего директора? – наконец пришел в себя Михаил. – Я вообще наемный работник, мне это даром не надо.

– Ага, – торжествовала я, – звучит, как наемный убийца! Вам и руки-то марать не пришлось, натравили Серого, и все!

– Да мой Серый, – заорал Миша, – если хотите знать, человека в жизни не тронет, пока ему на хвост не наступишь! Вот, глядите! – Он схватил мою руку и силой положил на голову волка. Она была теплой, покрытой густой жесткой шерстью. – Что, не загрыз он вас?

– Это вы его так выдрессировали! – сказал Павлик. – Прикажете, будет стоять!

– Хорошо, – Михаил отступил в сторону. – Я отойду, а вы его погладите.

Может, это хитрый шаг? Сейчас волк как цапнет меня! Переборов страх, я провела несколько раз рукой по косматой башке Серого. Он подтолкнул меня носом в ладонь, потом неожиданно лизнул! Вот уж не ожидала таких нежностей от хищника.

– Видите, – торжествовал его хозяин, – разве может такой добряк кого-нибудь загрызть?

– Все это спектакль, – упорствовал Паша, – почему тогда ваш Казей советовал вам «не испачкаться в крови, как в прошлый раз»?

– И про это знаете? – удивился охотник. – Вы давно за мной следите?

– Только сегодня начали, – сказала я, – и уже многое вызывает подозрения.

– Мой хозяин меня порой раздражает своей свирепостью, – вздохнул Михаил, – любит людей поугагать, почувствовать свою власть над ними. Но убивать кого-то он не решится, слишком труслив. Письмо с угрозами он написал, но чтобы исполнить – никогда!

– Зачем вы тогда на него работаете? Вас устраивает ваше положение?

– А что мне остается? Я недавно вышел из зоны, работы никакой. Вот и стал у него батраком. А насчет крови, так это Казей имел в виду случай на охоте, когда Серый поранил лапу, и я его до дома на руках нес. Весь измазался!

Этот человек вовсе не такой страшный, как кажется! Почему-то он вызывал у меня доверие. И волк у него хороший, от кабана нас спас, прогнал его. Ласковый – если бы он человеческой крови отведал, то не позволил бы себя гладить.

– Скажите мне, Миша, а Казей Васильевич сильно с Крыниным враждовал?

– Да нет, чего ему упираться! Денег у нас хватает, и леса тоже! Кашей – большой артист, он на публику работал. Ну не может он спокойно жить. Надо встряхнуться, вот и решил в войнушку поиграть!

– Неплохая войнушка получилась, – усмехнулась я, – мы делили апельсин, четверо ранено, убит один!

– Кто любит апельсины делить, – посерьезнел Михаил, – так это Цыпа, то есть Цыплаков Сергей Валерьевич. Он нас давно уже подмял. Кашей только с виду такой грозный, а на самом деле – надавили на него «братки», он и сдался. Оттого и разрабатываем лес такими темпами – Цыпа подгоняет. А ваш Крынин молодец, держался до последнего! Только убрали его... Я тоже думаю, что это не несчастный случай. Волки у нас редкость, и все они знакомы с ружьем. На человека с двустволкой никогда бы не напали. Только зверь, наученный человеком, такое сотворить может. Или это была собака. Ей легче в доверие втереться.

– А вы что-нибудь знаете про Цыплакова? – спросила я, чувствуя, что возможен новый виток расследования. – Какой ему резон был убивать Ивана Николаевича, ведь на его место заместитель сел?

– А резон такой: заместитель этот, Дима, гораздо мягче, чем Крынин. На Крынина дави не дави, он только больше упирается. А этот сразу сломается, попомните мои слова.

– А какие методы у этого Цыпы?

– Самые резкие. Пришлет «товарищей» покрепче, они кого хочешь уговорят!

– А как же милиция? Она что, ничего поделаться не может?

– Менты, конечно, побегают, – ухмыльнулся Миша, – сделают вид, будто работают в этом направлении. А на деле у них с Цыплаковым давно уже все обговорено. Начальник куш у них имеет. Я, когда сидел, с этой кухней хорошо познакомился. Иного если и посадят, то каждый день в камере шампанское и куры-гриль.

– Да ну! – не поверил Павлик. – Прямо-таки шампанское?

– Век воли не видать! – поклялся Миша. – Это мы, простодыры, баланду хлебали, а они отбашляют начальнику колонии, и он глаза на все закрывает.

– А за что сидели-то? – неделикатно поинтересовалась я.

– Да ни за что, – смутился охотник, – по глупости вышло. Видите шрам, – он показал на щеку, – лихой один придурок меня зацепил, односельчанин на тракторе разворачивался и по балде мне бороной въехал. Встаю я, весь в кровище, кинулся к нему, вытащил из кабины и избил. Не в себе я был, покалечил его сильно. Потом нас обоих до больницы едва успели донести.

– Какой вы, однако, злой! – поежилась я.

– Станешь тут злым! Меня еще суд пожалел – за тяжкие телесные больше полагалось.

– А тому односельчанину неужто ничего? – спросил Павлик. – Ведь он больше вашего виноват?

– Если бы я его не бил, ему бы за преступную халатность вкатили. А так выходит, будто я самосуд учинил.

– Да, – вздохнула я, – закон суров ко всем без различия.

Михаил повел нас за собой. Лес, по его словам, он знал, как мы свою квартиру.

– Полазаете тут с мое, будете вслепую дорогу находить! Кстати, повезло вам, что Серый кабана прогнал. Он бы вас еще долго сторожил! Мстительные и упорные животные – иногда не тронет, мимо пройдет, а иногда...

– А что они едят-то, эти твари? – поинтересовалась я. – Так на нас свирепо смотрел, будто сожрать хотел.

– Ну, – засмеялся наш проводник, – человека он кушать не станет, но ест все, так же как свинья. И мясом не побрезгует. Однажды два подвинка у меня всю рыбу из садка съели. Пришел – пусто, а вокруг все копытами изрыто. Не поверил, наловил еще рыбы. В кустах засел, гляжу, выходят из кустов два поросся. Один за веревку клыками тянет, второй ему помогает. Эх, и вкусная же была кабанятинка! – засмеялся охотник.

Мы вышли на опушку. Я оглянулась на темную громаду леса. Неужели мы там только что были? Я зябко поежилась. Сейчас, когда с нами Михаил, уже совсем не страшно. Представляю, как мы обрадовались бы такому провожатому два часа назад! Вид у него действительно жуткий – такой мрачный дядька с волком на поводке. А на деле вполне добродушный человек. Никогда больше не буду верить слухам.

– А Цыплакова вы даже не пытаетесь прощупать, – посоветовал Миша, – он вас сразу засечет. Шпионов он страсть как не любит!

– А как вы думаете, Миша, к нему никак нельзя подступиться?

– Никак, да и что это даст? Снимете про него передачу? Жизнь свою молодую пожалейте, зачем вам ввязываться в это дело?

Но я уже завелась, уж больно меня задел вид вырубаемого леса, причем безнаказанно вырубаемого. Человек погиб, очень хороший, нельзя это оставить вот так. Я думаю, что Цыплаков не так уж неуязвим и его можно прижать как следует.

– Гроза мафии, – прокомментировал Павлик, когда мы, попрощавшись с Михаилом,ковыляли с хутора в Гурьево, – за одним гонялись, теперь за другим начнем!

– А ты хочешь все оставить как есть? Чтобы этот криминальный босс делал что хотел? Да он уже всех запугал и будет продолжать!

– А с чего ты взяла, что он поспособствовал смерти Крынина? Мне лично кажется, что это несчастный случай.

– Такие вот «неслучайные случайности» – самый верный способ убийства. У Джека Лондона есть рассказ «Луннолицый». В нем описана такая история. Один сосед невзлюбил другого и решил убить. Тогда он купил собаку и выдрессировал так, чтобы она приносила брошенные в воду палки и догоняла убегающего хозяина с ними в зубах. Когда он подарил пса соседу, тот очень удивился. На следующий день сосед взял пса на рыбалку. Он глушил рыбу динамитом, и, когда бросил дымящуюся пашку в воду, собака вытащила ее и принесла новому хозяину...

– Интересно, где ты все это вычитываешь? – удивился Павлик. – В самом деле, этого убийцу ни в чем нельзя обвинить. Ну дрессировал он собаку, ну и что? Не виноват же он, что сосед занимался браконьерством!

– Вот-вот, – подхватила я, – и в этом случае та же история! Никто вроде бы не виноват, а человек погиб. Причем, заметь, человек, стоящий у многих на пути, человек, которому неоднократно угрожали!

Глава 4

Ася Петровна ахнула, когда увидела нас в болотной жиже, изорванной одежде. Павлик отчаянно хромал, его нога пострадала дважды. Мы объяснили свой вид тем, что я упала в силосную яму, а Павлик меня вытаскивал.

– Какие же вы неосторожные! – восклицала добрая старушка. – Давайте поскорей в баню, будете отмываться!

К счастью, у меня был комплект запасной одежды, поэтому я могла не волноваться за свой внешний вид. Павлик же, как истинный мужчина, не взял ничего, кроме того, что было на нем. Когда я отстирала его джинсы, пришлось ставить на них «хипповую» заплатку. Он разодрал коленку, когда катился по склону. Моя же одежда пришла в полную негодность. Видимо, она не была создана для таких перипетий.

Как же нам подобраться к Цыплакову? Просто следить за ним – глупо и опасно. Как бы мне сейчас пригодился Валерка Гурьев! Но делать нечего, придется действовать одной. Можно попробовать познакомиться с ним на правах хозяйки какого-нибудь предприятия, желающей найти надежную «крышу». Только как это сделать? Ведь нужны какие-то документы, чтобы он мне поверил. Надо переговорить с гурьевскими друзьями – с Петей, Димой, Марией Павловной, может, они что-нибудь посоветуют.

В любом случае ловить здесь уже было нечего, поэтому наутро мы стали собираться. По двору мирно ходили куры, разыскивая вкусные зернышки. Похрюкивали свинки в загоне. На этом фоне все вчерашние происшествия казались сном. Странно было, что существуют люди, способные творить зло в этих чудесных краях.

Слава богу, мы поймали попутку, это был трактор, ведомый разбитным мужичонкой нетрезвой наружности. Садиться в тесную кабину было страшновато, но ничего – скорость небольшая, авось не убьемся.

– Вы, говорят, из самого Тарасова приехали? С телевидения? – удивлялся он. – Сколько лет живу, ни разу в телевизоре себя не видел!

Он залихватски крутил рулем, трактор бросало из стороны в сторону.

– Дядя, ты гляди, нас не убей, – охал Павлик, – а то мы тоже в телевизоре не покажемся!

– Не бойсь! Все под контролем! – подмигивал мужик.

В Гурьевском лесхозе уже наладилась работа: снова визжали пилы, снова пахло опилками. Жизнь брала свое, как будто ничего и не произошло. Я увидела Петю, выходящего из кабины своего бульдозера, и отозвала его в сторону:

– Петя, как можно попасть к Цыплакову? – взяла я с места в карьер.

– К Цыплакову? – задумался парень. – Да проще простого. Обратитесь к Диме, он даст вам какие-нибудь бумаги. Под видом гонца пройдете.

Нет, гонец – это совсем не то, что мне нужно. Меня могут встретить довольно скомканно. Вот если я представлюсь крупным собственником, то меня примут на должном уровне, потратят больше времени. А я в это время буду держать ухо востро.

– А зачем вам надо к Цыплакову? – недоумевал Дима, которого я поймала на лесосеке. – Неужто вы этого битюга в передаче показать хотите? Хватит уже, что его имя один раз упомянули, теперь нам всем покоя не будет. – Он нагнулся к моему уху: – Сегодня к нам приезжали от него, сказали, что, если еще раз что-то подобное случится, лесхоз сожгут!

Значит, Дима мне не помощник. Видно было, как он перепугался. Прав был Михаил, этот человек быстро ломается. Зато Мария Павловна, как мне кажется, будет заинтересована в расследовании, она женщина бравая. Вообще женщины часто оказываются смелее мужчин.

Мужики объясняют это тем, что нас ни разу нормально не били. Но это неправда, просто мы не так боимся боли, как они.

Мария Павловна руководила уходом за зелеными насаждениями.

На поляне, куда мы с Павликом добрались за полчаса, работал трактор, распахивая жирную черную землю.

– Здравствуйте, – поприветствовала нас женщина, – мы тут деревья сажаем. Самая лучшая пора. До зимы они укорениться успеют, жары сейчас сильной нет, дождей много выпадает. Даст бог, лет через тридцать здесь сосновый бор будет шуметь.

Когда я изложила ей свою проблему, «озеленительница» задумалась. Видно, ей тоже не по душе пришлось версия несчастного случая.

– Знаете что, – Мария Павловна достала из кармана ручку и листочек, – сейчас я с вами пойти не могу. Отнесите эту записку моему сыну, дом номер двенадцать. Он даст вам мои акции лесхоза, у меня их десять процентов. Хозяйство ведь наше – закрытое акционерное общество.

– И кто еще владеет акциями? – поинтересовалась я.

– Самый крупный держатель – Крынин, его семья, потом Федосеев, потом я, и по несколько акций по селу рассеяно. Берите-берите, – настояла она, видя, что я сомневаюсь. – Я вам верю – может, вы до чего-то докопаетесь. Ведь неспроста Ваня погиб. Покажете эти акции Цыплакову, скажете, что хотите с его помощью побольше процентов у себя собрать. Этот крокодил враз заинтересуется.

– А как его найти? – спросила я.

– Отсюда километров пятнадцать будет. Там коттеджный поселок, богатеи живут. Попросите Льва Семеныча, он вас подбросит.

Сын Марии Павловны, мальчуган лет двенадцати, прочитав записку матери, пригласил нас в избу. Он минут десять отсутствовал, потом вынес нужные бумаги.

Я чувствовала, что мои ноги, не приученные к долгим переходам, перестают слушаться. А сейчас опять идти до лесхоза! Мы вышли на околицу деревни. Вдалеке пылила какая-то машина. Когда она подъехала поближе, мы увидели, что за рулем сидит Дима.

– Садитесь, – он распахнул дверцу, – я вас подброшу.

Мы с Павлом многозначительно переглянулись.

– Я все знаю, – просто сказал Федосеев, – вы сейчас хотите поехать к Цыплакову. Отговаривать я вас не буду – бесполезно. Хотите расследовать смерть Ивана Николаевича? Знайте, я сам подозреваю Цыпу, но знаю, насколько опасно с ним связываться. Ну, раз решили, я вас к нему отвезу.

«Уазик» понесся по пыли. Мимо нас вновь проносились красивые леса, поросшие густой травой уютные поляны. Я вспомнила, как недавно мы ехали с Крыниным, и кукушка прекратила свою песню, когда он произнес фразу: «Сколько мне жить осталось?» Мистика, да и только!

Лес закончился, начались поля картошки. На севере области можно чаще встретить эту культуру, чем привычную нам пшеницу. На бесконечно длинных грядках стояли люди с тяпками, окучивали картофель. Я не понимаю, как можно обработать такое гигантское поле, ведь ему ни конца ни края нет. Помню, в детстве у меня кружилась голова при виде бабушкиного огорода, на котором я помогала родителям. А тут знай себе паши «от меня и до заката»!

– Это колхоз «Знаменский», – пояснил Федосеев. – Удивляюсь я им, вкалывают, как бобики, а получают гроши. Как так можно!

– А куда деваться? – возразила я. – Не всем же дрова рубить!

Дима проглотил мою шпильку не поморщившись, видно, не хотел спорить. Да и с чем спорить, ведь продавать лес значительно проще, чем сельхозпродукцию. Особенно сейчас,

когда все буквально помешались на открытии мебельных салонов и фабрик. А у бедных сельчан один год неурожай, а на другой – завал, цена бросовая.

Заросли картошки скоро кончились, начался подсолнечник. Чудесно смотрится желтое поле, говорят, раньше эту культуру выращивали как декоративную. Жужжали пчелы, взлетая над крупными цветками, их мохнатые тельца были перепачканы пылью. Это зрелище почему-то напоминало о детстве как о безграничном ярком лете. Ах, как хочется вернуться!

Вдали показались какие-то дома. Когда мы подъехали поближе, оказалось, что это обычный «новорусский ренессанс», жуткие громадины с параболическими антеннами, громоздившиеся возле опушки березового леса. Сами-то небось любят природу – только возле своего дома! Пусть где-то там вырубают леса, главное, чтобы не у нас под боком!

– Вон тот дом, покрытый белой черепицей, – показал Дима. – Я туда не поеду, сами пешком дойдете.

– А как же мы обратно доберемся? – жалобно спросила я.

– Сами понимаете, ждать я вас не могу, на мне висит руководство предприятием. Давайте я приеду вечером, в шесть часов, на это место.

С этими словами он укатил, оставив после себя облако пыли. Немного постояв в нерешительности, мы с Павликом зашагали к коттеджам. В этот момент мне пришла в голову довольно рациональная мысль.

– Павлик, а ведь Цыплаков может меня узнать. Вдруг он видел меня по телевизору.

– Точно! – воскликнул мой оператор. – Мы об этом совсем забыли!

– Трудно быть известным, – вздохнула я, – ну ладно, будем надеяться, что этот «авторитет» не смотрит дамские телепередачи. В крайнем случае можно сказать, что я просто похожа на Ирину Лебедеву.

Дом с белой черепицей бесформенной громадой возвышался над остальными. Металлические ворота без единой щелочки казались неприступными. Я нажала на кнопку домофона.

– Кто там? – раздался грубый голос.

– Мы к Сергею Валерьевичу, – заторопилась я, – хотим пообщаться.

– Вы договаривались о встрече? – спросил охранник.

– Передайте Цыплакову, что мы от гурьевских, – развязно сказал Павлик, отстраняя меня.

Через пять минут ворота заскрипели. За ними обнаружился высокий человек в пятнистом камуфляже, он жестом пригласил нас войти. Надо же, у Цыплакова охрана ходит в спецназовской форме! Наверное, это такой психологический прием. Чтоб лишний раз запугать человека.

Мы с интересом огляделись. Вотчина районного «авторитета» была красиво ухожена, посажены декоративные деревья, цветы, газонная травка, одним словом, все сияло и благоухало.

Вид, конечно, был великолепный, но по мне гораздо лучше обыкновенный деревенский сад. Такая обстановка создавала атмосферу излишней официальности, хотелось вытянуться во фронт перед всеми этими аккуратными, как в журнале по ландшафтному дизайну, насаждениями.

Охранник осмотрел нас на предмет оружия, затем провел в дом. Поднявшись на второй этаж по широкой парадной лестнице, мы подошли к двери, отделанной белой кожей. Хозяин дома, по всей видимости, предпочитал этот цвет всем остальным.

В просторной комнате мы увидели невысокого грузного мужчину в возрасте сорока пяти – пятидесяти лет. Он был одет в широкую белую футболку, которая даже на его изрядном животе висела свободно, и парусиновые штаны того же оттенка. Слегка тронутые сединой волосы Цыплакова были аккуратно подстрижены. Лицо было ровное, гладкое, приятного цвета. Этот человек казался добродушным толстяком, который радуется жизни в своем прекрасном

саду. Если бы я не знала о его фокусах, никогда бы не поверила, что он способен на злые поступки.

– Проходите, гости дорогие, – радушно сказал хозяин, жестом приглашая нас присесть на диван, – вы хоть и без предупреждения, но я все равно рад. Чем обязан?

– Мы пришли к вам как акционеры Гурьевского лесхоза, – начала я.

– Да? – заинтересованно протянул Цыплаков. – И сколько у вас акций?

– Десять процентов, – я достала акции Марии Павловны и протянула их «авторитету».

– И почему вы пришли ко мне?

– Дело в том, что мы слышали о вашем интересе к данному хозяйству, поэтому решили, что вы можете нам помочь. Десять процентов – это недостаточно для того, чтобы влиять на решения совета акционеров. Может быть, мы могли бы сотрудничать с вами, для увеличения количества ценных бумаг в нашем активе.

– Это интересно, – мужчина подсел к нам поближе, – я многое знаю об этом лесхозе, но о вас никогда не слышал.

– Мы выкупили паи нескольких сельчан. Они нуждались в деньгах, а у нас были свободные средства на этот момент.

– Ясенько, – хозяин потер руки, – и чего вы хотите от меня?

– Мы пользуемся доверием остальных акционеров, с нашей помощью вы могли бы скупить гораздо больше акций. Вы прекрасно знаете, что вам они никогда и ничего не продадут.

– Конечно, я об этом знаю. Ваше предложение неожиданно и приятно. Давайте выпьем по такому случаю!

Он подошел к небольшому шкафчику и нажал на невидимую клавишу. Полки с книгами исчезли в нише стены. Вместо них выехал зеркальный барчик, наполненный разнокалиберными бутылками.

– Что будете пить? – радушно спросил хозяин.

– Немного вина, пожалуйста, – попросила я.

Выпив прекрасного белого вина (живут же люди), мы стали обсуждать стратегию нашего дальнейшего сотрудничества.

– Я выделю вам средства, потому что я действительно заинтересован в перетягивании рычагов управления на себя. С вашей помощью это будет гораздо легче сделать.

– Да, – усмехнулась я, – мы выступим в роли троянского коня.

– Бойтесь данайцев, дары приносящих, – задумчиво сказал Цыплаков. – Скажите, а почему вы пришли именно ко мне, а не к кому-нибудь другому? Кто рассказал вам обо мне?

– О вас нам рассказывали многие, в том числе и рабочие Казея Васильевича.

– Казея? – удивился хозяин. – Да вы, я смотрю, не успели приехать, а уже всех здесь знаете! Ведь вы приезжие? Из Тарасова?

– Вы угадали. Мы из Тарасова, – не стала отпираться я.

– И как вы проникли в святая святых – совет акционеров? Ведь туда не пропустят чужака.

– Мы родственники Марии Павловны, работницы лесхоза, поэтому нам оказали доверие. Через какое-то время мы поняли, что хозяйствуют в лесхозе по старинке, а мы ничего не можем изменить, наши предложения блокируются другими акционерами. Поэтому и обратились к вам.

– Хорошо. А могу я полюбопытствовать, где вы заработали деньги для покупки акций? Ведь, как я понимаю, сумма немаленькая?

Сказать, что я – тарасовский предприниматель, опасно. Он наверняка знает почти всех или может проверить. Поэтому я решила назвать экзотическую версию получения денег.

– Я накопила доллары, когда в девяностых моталась в Тайвань за шмотками. Все думала, куда бы их вложить, чтобы понадежнее было.

– Надо же, – воскликнул хозяин, – а я тоже туда мотался! Какое совпадение! Помните Сидорова, начальника таможи на границе с Китаем? Такой гад – все время шмотки ворошил?

Я отчаянно пыталась вызвать свои знания по географии из глубин памяти. Так, Тайвань – это где-то рядом с Китаем. Китай начинается сразу после Казахстана.

– А мы через другую границу ездили, – решила я, – через казахскую.

– Неужто через три границы мотались? – ахнул Цыплаков. – Там же мороки не оберешься, все эти визы, пошлины?

– У меня там свои прихваты были, – сказала я авторитетно, – кроме того, была еще одна выгода через Казахстан ехать, – я понизила голос до полупшепота. – Сами понимаете, на одних шмотках не подымешься.

– Вы и с этим возились? – поразился Цыплаков. – А я попался, отрубил три года. Как же вы добирались?

– Из Тайваня до Харбина, а там на экспрессе до Астаны, – принялась я самозабвенно врать.

– Ясненько, в общем, на перекладных кантовались. А почему забросили эту затею?

– Конкуренты вытеснили, да и опасно стало. Решила более спокойным бизнесом заняться. Вот и приехала сюда, на природу потянуло.

– Я вот тоже сюда приехал покоя искать, – Цыплаков задумчиво закрыл глаза. – Надоело в Тарасове, там сплошная суета.

Я украдкой вытерла пот со лба. Кажется, допрос закончился. Надеюсь, я не вызвала подозрений.

– Не желаете ли развлечься? – оживился хозяин. – По-нашему, по-деревенски?

– А что за развлечение? – осторожно поинтересовалась я.

– Есть у меня хобби, так сказать. Люблю охоту. Через полчаса я с друзьями как раз собирался поохотиться.

Это интересно! Хорошо, что мы вызвали доверие у «авторитета». Там, глядишь, может, что и вскроется.

– Я люблю охотиться, как в старину, травить лис борзыми. Азарт, доложу я вам, незабываемый! Как-то давно в фильме увидел, все мечтал так же погоняться. А сейчас давнишнюю мечту осуществил. Так что, согласны?

Мы кивнули, и Сергей Валерьевич позвал в кабинет охранника, попросив предупредить всех участников и подготовить для нас одежду.

– Ваша одежда для верховой езды непригодна, – сказал он, – нужны специальные штаны. К счастью, есть запасной комплект.

– Неужели вы охотитесь на лошадях? – поразилась я.

– А как вы думали? – с гордостью ответил хозяин. – Пешком, что ли, мы бегаем? Сейчас вы все увидите.

Мы вышли во двор, и нас повели за дом. Там располагались хозяйственные строения, сараи, конюшня. Показав на приземистый барак, Цыплаков пояснил:

– Здесь моя псарня, самые лучшие борзые. Несколько лет их собирал.

Из пристройки большого дома вышли несколько человек – прислуга. Они вынесли несколько седел и одежду. Мы с Павлом зашли в пристройку переодеться в штаны с кожаными вставками и плотные замшевые куртки. Из конюшни вывели лошадей, красивых порывистых животных. Они все были гнедой масти, гладкие, блестящие и ухоженные.

Гости, которых было пять человек, вскоре подошли ко двору. Каждый выбрал себе лошадь по вкусу. Мне досталась по совету Цыплакова небольшая спокойная лошадка. Павлу, напротив, дали свирепого на вид скакуна, который дико косился на людей и нервно всхрапывал. Наверное, моего спутника испытывали на мужество.

Я внимательно изучала гостей и прислугу «авторитета». Три помощника были молчаливыми рослыми мужчинами, по виду специалистами своего дела, они все делали споро и ловко. Гости все как на подбор были пузанами вроде Цыплакова. Тоже, скорее всего, ушедшие на покой богатеи. Нас представили друг другу. По разговорам я поняла, что общих дел гости с хозяином не имеют, просто вместе, по-соседски, отдыхают.

– Давай, Саша, выводи псов, – обратился Цыплаков к одному из помощников, когда мы оседлали коней.

Парень зашел в барак-псарню и через минуту вывел оттуда на поводках бешено рвущую свору собак. Они остервенело лаяли, срываясь почти на визг. Ну и страшны же! Белые со светло-коричневыми пятнами, тощие спины выгнуты колесом, острые пасти открыты, на пол капает слюна. Мне никогда не нравилась эта порода, на мой взгляд, гораздо приятней держать какого-нибудь шарпея или пуделя.

– С богом! – напутствовал нас охранник, открывая ворота перед кавалькадой.

Моя лошадь шла подо мной спокойно. Конечно, непривычно, когда то, на чем ты сидишь, дышит и качается вправо и влево. Но мои ощущения были скорее приятными. Павлу повезло меньше, я с тревогой наблюдала, как скакун бешено гарцует под оператором. Павлик был незнаком с навыками джигитовки, потому с трудом удерживал поводья. Что же будет, если нам придется скакать быстро?

– И часто вы так охотитесь? – поинтересовалась я у Цыплакова.

– Нет, – засмеялся хозяин, – вам повезло, что вы попали на такое мероприятие. Мы выезжаем раз или два в месяц, иначе бы давно всех лис переловили.

– И что, каждый раз удачно охотитесь?

– Ну что вы, сейчас зверей не так много, как раньше, – он мечтательно зажмурился. – Когда-то и птицы, и зверя здесь водилось немерено. Трудно было промахнуться!..

«Вы, дорогой товарищ Цыплаков, первый содействуете уменьшению поголовья животных! С вашей подачи варварски вырубается леса, поэтому не надо строить из себя эдакого любителя природы!» – думала я, слушая его.

Мы выехали за поселок. За ним начиналось поле, по краю которого рос густой лес. Мы медленно гарцевали, чтобы Саша, ведущий собак на поводках, успевал за нами. Одна лошадь была без седока – чтобы потом, когда начнется погоня и помощник спустит псов, он мог бы скакать вместе со всеми.

– Самая лисья пора в году, – пояснил Сергей Валерьевич, – сейчас грызуны в поле отъелись, размножились, а лисы бегают, мышкуют.

Солнышко начинало припекать. Мне стало жарко в плотной куртке, и я сняла ее. Многие из присутствующих последовали моему примеру. Казалось, в этой сонной жаре не может быть места для какой-то погони.

– Смотрите, – вдруг крикнул один из гостей, указывая вдаль, – лиса!

– Где? – заволновались охотники.

– Да вон там, во впадинке притаилась!

Я внимательно присмотрелась. Действительно, среди желтых стеблей пшеницы виднелась рыжая шкурка хищницы. И как он ее усмотрел? Я бы ни за что не заметила.

– Саша, спускай собак! – крикнул Цыплаков.

Помощник осторожно подтянул поводки и начал отстегивать карабинчики. Борзые нетерпеливо изгибались, вырываясь, чуть ли не волоча Сашу по земле. Вот миг, и отцепленные собаки огромными прыжками понеслись к лисе. Поднявшись в стремях, Сергей Валерьевич отчаянно засвистел, засунув два пальца в рот.

– Ату ее, ату! – кричал он в азарте.

Потрявоженная шумом лиса выбежала из своего укрытия и понеслась по полю. Саша вскочил на свободную лошадь, и мы все ринулись за собаками. Цыплаков стегнул моего коня,

и тихая животина вмиг превратилась в бешено скачущую фурию! Я с трудом удерживалась в седле. Все качалось, прыгало, подскакивало у меня перед глазами.

Вперед всех вырвался скакун Павлика. Он дико, словно давно ждал этого момента, понесся по полю, не обращая внимания на седока. По-моему, Паша не контролировал процесс, он лишь прижался к луке седла, мотаясь при каждом прыжке, как сосиска. Что же будет, если он навернется на такой скорости? Я была уверена, сейчас он проклинал меня последними словами за то, что я втянула его в эту авантюру.

Никогда не думала, что эти коротконогие животные могут так быстро бегать! Лиса убежала от длинноногих борзых почти с той же скоростью, с какой они ее догоняли! Как говорилось в фильме «Особенности национальной охоты»: «Жить захочешь – не так раскорячишься!»

Все же медленно, но неотвратимо собаки настигали рыжую. Борзые выведены специально для такой гонки, даже отличные лошади за ними не успевают.

– Давай! – возбужденно орал Цыплаков. – Хватай ее!

Остальные гости тоже вопили и улюлюкали, погоня будоражила их кровь. А мне, если честно, было жаль несчастного зверька – целая орава свирепых мужиков на лошадях за такой малюткой! Не люблю охоту, мне кажется нечестным, когда вооруженный человек стреляет в беззащитных зверей. Не понимаю тех любителей природы, которые говорят, что охота естественна и гуманна. Выследить толпой одного зверя и застрелить его из ружей, что может быть легче! А попробуй-ка ты выйти на того же лося с голыми руками!

Расстояние между лисой и собаками быстро сокращалось, мелькал рыжий хвост, Патрикеевна пыталась метаться из стороны в сторону. Одна из борзых бежала уже почти сбоку. Раз! Собака попыталась укунить лису за бок. Та резко обернулась, отпрянув в сторону. Остальные буквально наступали на пятки. Они могли пропустить рыжую между ног, настолько она была приземистой по сравнению с ними.

Самая крупная борзая на лету толкнула лису головой, та полетела кувырком. На нее вмиг навалились остальные. Мужественное животное пыталось сопротивляться, мотая оскаленной пастью во все стороны. Псы впивались в нее зубами. Мне показалось, что я слышу жалобный визг.

Расстояние между нами и местом, где собаки повалили лису, было небольшим – около ста метров. Поэтому я четко видела все происходящее. Одна борзая впилась зверьку в горло, лиса заметалась и затихла. Рычащая свора принялась рвать теплое тело.

– Стой! – закричал Цыплаков. – А ну, разошлись! Фу! Саша, скорей отними лису!

Саша пришпорил коня и устремился туда. Он влетел прямо в центр клубка и, соскочив с коня, попытался оттащить псов от добычи. Внезапно один из них, свирепо зарывав, вцепился ему в плечо. Саша закричал от боли, пытаясь скинуть собаку, но разъяренное животное не отпускало его.

Они упали и стали кататься в пыли. Парень лупил борзую куда попало, но та лишь рычала сквозь сомкнутые зубы. Остальные псы, недолго думая, присоединились к собрату. Кто впился в ноги несчастному помощнику, кто в руки и тело.

– Сволочи, – надрывался Сергей Валерьевич, – что ж вы делаете! Фу! Фу, я сказал!

Он подлетел к клубку и стал отчаянно стегать собак плеткой. Они лишь свирепели от этого. Закатив полубезумные глаза, еще крепче сжимали зубы. Тогда Сергей Валерьевич снял с плеча двустволку.

– Не надо! – закричала я. – Вы же в него попадете!

Но Цыплаков и не собирался стрелять в собак. Он поднял оружие и жажнул в воздух из обоих стволов. Звук получился впечатляющим, у меня напрочь заложило уши. Никогда не думала, что охотничьи ружья так стреляют. Словно гаубица какая-нибудь.

Борзые сразу вскочили и разбежались кто куда, а Саша остался на земле, скрючившись и постанывая. Когда мы подъехали, то увидели, что вся его одежда изорвана и залита кровью.

– Кто же собак ловить будет? – ахнул Цыплаков. – Совсем Сашу изуродовали, звери! Его волнуют только собаки, а то, что помощника чуть не загрызли, не заботит! Что за человек?

Мы подняли Сашу. Он держался за окровавленные места, закусив от боли губу. Я видела, что он крепился из последних сил.

– И часто у вас такое случается? – спросила я.

– Честное слово, такое в первый раз! – оправдывался Цыплаков. – Это Лорд их всех взбаламутил! Я его недавно купил!

Через несколько минут собаки начали возвращаться, виновато поджав хвосты. Сам Цыплаков осторожно пристегивал их к поводкам. Последним пришел тот самый Лорд, он уже не скалился, а выглядел вполне мирным псом, даже немного жалким. Странно, что он мог казаться таким свирепым совсем недавно.

– Это он первый раз запах крови почувствовал! – объяснил Сергей Валерьевич. – Раньше они по команде зверя отпускали!

Он подошел к мертвой лисе. Вся шкура была изорвана в клочья, поэтому, перевернув ее ногой, Цыплаков оставил ее лежать на земле и отвернулся. Зачем была вся эта гонка, с собаками, ружьями, лошадьми? Чтобы прекрасное, гармоничное живое существо превратилось в изуродованный, никому не нужный труп? Звери убивают, чтобы питаться, а люди – для забавы. В этом все отличие, и не убеждайте меня, что охота – хорошее дело!

Мы ехали обратно в гнетущем молчании. Происшествие испортило всем настроение. Саша сидел впереди одного из гостей, держаться в седле самому ему сейчас было не под силу. Возле поселка все разъехались по домам. В воротах нас встретил встревоженный охранник. Он подхватил пострадавшего и унес в дом. Свирепых собак увели на псарню.

– Сожалею, что вы стали свидетелем такого события, – вздохнул Цыплаков. – Надеюсь, вы понимаете, что это случайность?

– Понимаем, – сказала я, – только все равно жалко.

– Жалко, – согласился хозяин. – Посидите пока здесь, я ненадолго отлучусь.

Он вышел, а мы с Павликом остались в кабинете. Нужно проследить, куда пошел этот горе-охотник! Внизу, на лестнице, раздавались шаги Цыплакова.

– Сиди здесь, – шепнула я оператору, – сейчас вернусь. Если придет Цыплаков, скажешь, что я в туалете.

Словно тень, я прошуршала по ступенькам. Слышно было, как хлопнула входная дверь. В окнах первого этажа я увидела силуэт хозяина дома. Цыплаков пошел к пристройке для прислуги. Я выскользнула за ним. Затаившись в кустах, росших возле стены дома, я стала слушать.

– Какого хрена ты не предупредил, что Лорд сегодня бешеный? – гневался Цыплаков. – Я знал, что он на людей бросается, но чтобы на Сашу!

– Вначале, хозяин, приказываете на людей его натаскивать, – оправдывался помощник, – а потом хотите, чтобы он смирный был?

– Еще раз такое повторится, вылетит отсюда к чертовой матери! Ты должен проверять собак каждый день!

Раздались шаги. Я уже не успевала добежать до двери – заметит. Поэтому я залезла в куст поглубже. Цыплаков прошел мимо. Хорошо, что я предупредила Павлика про туалет!

Когда я поднялась наверх, мужчины мило беседовали.

Павлик с улыбкой кивал головой. Увидев меня, Цыплаков спросил:

– Надеюсь, вы нашли то, что искали? А то я сам порой блуждаю в этом замке.

– Она иголку в стоге сена найдет, – ответил за меня Паша.

– Похвальное качество, – заметил «сельский бизнесмен», – давайте поговорим о делах. Денег сейчас я вам дать не могу. Естественно, я должен все проверить. Вы знаете, что я человек тертый, поэтому верить на слово не привык.

– Тогда как мы с вами поступим?

– Я свяжусь с вами попозже. Дайте мне ваши координаты.

Я дала ему совершенно неверные координаты, ведь на самом деле нам не нужно было с ним связываться. У меня уже сложилась одна версия, которую стоило проверить.

– Кстати, – сказал Цыплаков на прощание, – ваше лицо мне определенно знакомо. Где мы могли видется?

– На Тайване, – ответила я, – русское лицо там сразу запоминается.

Мы стояли на том самом месте, где расстались с Федосеевым. До шести было еще несколько минут, поэтому оставалось время поговорить. Цыплаков даже не спросил нас, на чем мы приехали. Удивительная невежливость по отношению к гостям. Хотя он, может быть, решил, что мы люди состоятельные и в кустах у нас припрятан автомобиль?

– Павлик, – сказала я, – вид покусанного Саша тебя ни на что не натолкнул?

– Натолкнул, – подтвердил оператор. – Очень похоже на Крынина. Его одежда была так же изорвана.

– Уверена, что если бы Цыплаков не отогнал псов, то послезавтра уже были бы похороны.

К тому же я услышала кое-что интересное, когда выходила.

– И что же? – заинтересовался Павлик.

– Из разговора с собачником вышло, что Цыплаков недавно приказывал натравить собак на какого-то человека. Я думаю, что эти милые собачки могли загрызть Крынина.

– В лесу? – усомнился Павлик. – Гончие в чашу никогда не пойдут.

– Всякое может быть. Думаю, проверить эту версию не помешает.

Издали показался «уазик» Федосеева – новый директор не обманул и приехал вовремя. Павлик успел шепнуть мне, что я ненормальная, гоняюсь непонятно за чем.

– Как ваш визит? – спросил Дима, когда мы уселись в машину.

Я рассказала ему обо всем происшедшем. Федосеев неожиданно поддержал мою версию.

– Никогда бы не подумал, что у этого бандита есть такие причуды! – удивлялся он. – Только как вы докажете? Дело уже замято. Разве что, – он задумался, – провести экспертизу.

– А как? – полюбопытствовал Павлик. – Разозлить собак, а когда они нас загрызут, сравнить наши трупы с телом Крынина?

– Ваше ерничество неуместно, – Дима гордо поднял голову, – хотя мысль интересная.

– Точно! – хлопнула я себя по лбу. – Как я сразу не догадалась! Вы еще не выбросили одежду Ивана Николаевича?

– Не знаю, спросите у Оксаны. А зачем она вам?

– Подумайте, Дима, на ней же следы клыков. Если они совпадут со следами зубов собак Цыплакова, считайте, что дело в шляпе!

– Ну, во-первых, – критически сказал Дима, – как вы достанете эти самые следы? В псарню залезете, что ли? Во-вторых, даже если они совпадут, вы не докажете факт умышленного натравливания собак. Свидетелей-то нет и не будет.

– Пусть, – сказала я упорно, – но попробовать стоит.

Глава 5

Как деликатно подступиться к Оксане, чтобы не вызвать поток новых переживаний? Может быть, она уже выкинула вещь, напоминающую о страшном событии?

Женщина встретила нас, как и раньше, во дворе. Казалось, что ничего не произошло, так же бродили куры, хрюкали свиньи. Только глаза выдавали Оксану, они были похожи на два потухших костра, подернутых пеплом. Увидев нас, она обрадовалась:

– Проходите-проходите, как раз к ужину поспели!

В доме на первый взгляд все было так же, как и при Иване Николаевиче. Но только на первый взгляд. Даже запах изменился: пахло чем-то нежилым. Здесь никого не ждали с работы, вот в чем все дело.

Я второй раз увидела детей Крынина. Мое сердце сжалось – девочка и мальчик тихо сидели за столом. Я подошла к ним.

– Давайте познакомимся, – сказала я преувеличенно бодро, – меня зовут Ирина.

– А я вас знаю, – ответила девочка, – вы вели передачу, где мама снималась. Меня зовут Катя, а брата Колей.

– А сколько вам лет?

– Мне тринадцать, а Кошке девять. Скажите, а правду говорят, что папу убили из-за вашей передачи?

Такие вопросы только дети могут задавать в лоб. Неужели ребенок сейчас начнет меня обвинять?

– Не совсем, деточка, – сказала я осторожно, – не только из-за этого. Давай лучше о чем-нибудь другом поговорим.

– А из-за чего его убили? – настойчиво повторила Катя.

– Никто не знает, убили его или он сам погиб. И я не знаю. Но обещаю тебе, что обязательно это выясню.

– А я слышал, как папа ссорился с одним человеком! – неожиданно сказал мальчик.

– С кем же, Коленька? – насторожилась я.

– С дядей Димой Федосеевым.

– Из-за чего они ссорились?

– Дядя Дима говорил папе, что у него не сто рук, что он везде не успеет. А папа отвечал, что, пока молодой, нужно бегать.

А я-то думала, что сейчас устами младенца мне откроется истина! Я вообще верю детям. Изредка они могут приоткрыть непроницаемую, казалось бы, завесу тайны.

– Всякое бывает, деточка. Дядя Дима тоже ведь может уставать! – успокоила я ребенка.

Оксана зашла в дом и начала накрывать на стол. Мы все с аппетитом поужинали. Меня порадовало, что дети едят с удовольствием. Лишь их мама вяло ковырялась ложкой в пище. Как бы задать ей интересующий меня вопрос? После ужина я отвела вдову Крынина в сторону.

– Скажите, Оксана, у вас осталась та самая одежда, которая была на вашем муже в момент гибели? – врубила я в лоб.

– А почему вы спрашиваете? – испугалась женщина.

– Я уверена, что ваш муж погиб не случайно, – решила я. – Эта одежда может помочь нам найти убийцу.

– Но ведь убийца-то – волк! – почти выкрикнула Оксана.

– Возможно, выдрессированный человеком.

– Если вы так думаете, то я вам верю, – женщина развернулась и пошла в соседнюю комнату. – Сейчас я принесу вещи.

Она вернулась с пакетом в руках. Я взяла его в руки, тщательно скрывая свой страх, внушаемый мне окровавленной одеждой.

Теперь необходимо разработать план проведения нашей любительской экспертизы. Кто может нам помочь? Может быть, Михаил? Он знаток природы, охотник и может дать дельную подсказку.

Павлик и я двинулись на хутор. Нужно как-то вызвать батрака Кашея со двора и остаться при этом незамеченными. Ведь если люди узнают о нашей связи, будет куча ненужных слухов и домыслов.

Павлик кидал уже третий камешек через забор в том месте, где к нему прилегала сторожка Михаила. Это был отличный способ вызвать его к нам, но пока он почему-то не срабатывал. Внезапно мы почувствовали, как на наши плечи легли сильные руки. Кто это?

– Стоять, бояться, деньги не прятать! – услышала я знакомый голос. Это Михаил! Как он подкрался к нам сзади?

– Чего звали-то?

Когда я изложила ему суть дела, он задумался.

– Очень может быть. Цыпа способен на многое для достижения цели. Я пойду с вами – вы не умеете быть незаметными.

Мы решили провернуть дело следующим образом. Михаил сделает что-то наподобие чучела. Проще говоря, он свернет какой-нибудь старый ватник, и мы дадим его искушать собакам. Потом совместим дырки в вещах, как трафарет, и, если они совпадут, сделаем соответствующие выводы.

Во мраке ночи коттеджный поселок – оказывается, он назывался Беляево – издалека выглядел похожим на старинный замок. Возвышались зубчатые стены, горел свет в узких окнах-бойницах. Мы подбирались к нему тише мыши, чтобы охрана не услышала наши шаги. Михаил взял с собой Серого, сказал, что он может нам пригодиться. Никто не подвез нас на машине, все пятнадцать километров до поселка мы прошли пешком. Ноги отваливались, ведь мы шли непрерывно около трех часов. Зато эта прогулка надолго останется в памяти. Когда едешь на машине, природа кажется совсем не такой, она проносится мимо, как лента в кинофильме. А когда идешь пешком, чувствуешь себя частью живого мира, таким же, как все его остальные обитатели.

Вначале мы любовались закатом, глядели, как алые краски горизонта постепенно стирались бледным потоком вечера. Потом в потемневшем небе медленно, одна за другой, начали зажигаться звезды. Когда позднее все они высыпали на небосклоне, я поразились, насколько бездонным и ярким кажется небо на природе. В городе нам никогда не увидеть такого скопления созвездий. Млечный Путь выглядел красивой туманной полосой, а не призрачным напоминанием, разбавленным светом уличных фонарей.

– Тихо, – прошептал Михаил, указывая на заросли неподалеку от дома Цыплакова, – пока мы заберемся вон туда.

Мы залегли в кустах, а охотник стал отвязывать своего волка с привязи.

– Серый, вперед! – приказал он, ткнув пальцем в сторону ворот дома.

– Зачем вы его туда посылаете? – удивилась я.

– Помните фильм «Как украсть миллион»? Там один мужик кидал бумеранг, чтобы срабатывала сигнализация, охраняющая статую Венеры. Когда полиция устала реагировать на вызовы, мужик украл статую.

Никогда больше не буду кичиться своим умом перед представителями простого народа. Они нам, интеллигентам, еще фору дадут. Уже несколько раз убеждалась: Россия – такая страна, где простой слесарь может читать Достоевского.

Серый ловко подлез под ворота. Через секунду изнутри послышался истошный лай собак. Они и на дух не могли переносить волка. Через несколько минут Серый вылез обратно.

– Как будто понимает, что от него требуется! – поразилась я.

– Все животные прекрасно понимают, чего от них хочет человек, – серьезно сказал Михаил, – они просто иногда капризничают. А волки слишком суровые животные для капризов.

«Концерт» не прекращался, борзые буквально захлебывались яростным лаем. Скоро мы услышали, как по двору забегали люди.

– Неспроста они так надрываются! – кричал кто-то за забором. – Ни разу такого лая не слышал.

– Осмотри территорию и посмотри на улице!

Вскоре ворота открылись, и оттуда вышел охранник. Он обошел дом кругом и вернулся внутрь.

– Здесь никого нет! – крикнул он.

– Может, они лису почуяли? Вот и надрываются.

Все затихло. Прислуга ушла в дом, а собаки успокоились.

Тогда Серый повторил диверсию. Все с точностью повторилось, с той разницей, что охранник теперь побегал возле дома с фонариком.

На третий раз проснулся хозяин. Мы услышали его возмущенный голос:

– Что такое, почему мне не дают спать?

Охранники оправдывались, он ругался. На четвертый раз они решили больше не обращать внимания на собак, пообещав зарезать их утром. На всякий случай мы запустили волка еще раз. Действительно, никто не вышел.

– Давайте, – скомандовал Михаил, – Паша останется здесь – в случае чего позовет на помощь.

Мы подошли к забору. Вначале Миша подсадил меня, потом влез сам. Когда мы спрыгнули по ту сторону, то увидели залитое светом прожектора пространство. Но никого не было видно – мы, пригибаясь, побежали к псарне. Дверь этого сарайчика запиралась на обычную щеколду. Миша отодвинул ее и смело зашел внутрь. Услышав нас, собаки подняли оглушительный лай. Мы затворили дверь и зажгли маленький фонарик. Мой спутник прикрывал его рукой, чтобы ни один луч не пробивался наружу. Тощие страшилища сидели в небольших деревянных загончиках отдельно друг от друга, наверное, чтобы не возникало грызни. Их длинная свалывшаяся шерсть свисала с животов, глаза блестели в темноте. Лают как автоматы, глядя бессмысленными плоскими глазами на нас.

– Наблюдайте за пристройкой, – шепнул мне Миша, – если что, свистните.

– Но я не умею свистеть!

– Каркните, хрюкните, в общем, издайте звук!

Он сунул через загородку свернутую телогрейку, намотанную на палку, и начал тыкать ею в собаку. Борзая яростно вцепилась в тряпку, мотая из стороны в сторону головой. Миша с большим трудом выдернул палку и подошел по очереди к остальным псам.

– Готово, – сообщил он мне, – надо сваливать.

Мы вышли наружу, снова заперев дверь на щеколду. Пробежав освещенное пространство, мы споро вскарабкались на забор и покинули вотчину Цыплакова.

– Ну что? – спросил Павлик, когда мы нырнули в кусты. – Успешно?

– Да, – коротко бросил Михаил, – теперь пойдём домой. Там посмотрим.

– Кажется, я не выдержу обратного пути, – пожаловалась я.

Мы вышли на дорогу. Сквозь облака пробивался свет луны, дул прохладный ветер. Мне показалось, что я слышу какие-то шаги. Но Серый спокойно бежал рядом с хозяином – уж он-то слышит лучше меня. Неожиданно из кювета поднялся человек и преградил нам дорогу.

– Стоять! – крикнул он. – Развернулись и пошли обратно!

Шерсть на загривке волка встала дыбом, он свирепо зарычал. Миша шагнул к человеку. Тот отступил и крикнул в темноту:

– Андрей, они сопротивляются!

Сзади нас бухнул выстрел. От неожиданности мы чуть не подскочили.

– Лежать всем, руки за голову! – заорал незнакомец, вышедший со стороны поселка. – К тебе это что, не относится? – сказал он напряженному Михаилу. – Собаку сейчас твою пристрелю, если не угомонишься!

Он подошел поближе, и я увидела, что это охранник Цыплакова. В его руках было ружье, направленное на нас. Мы выполнили приказание, после чего нас всех по очереди связали. Подняв всех на ноги, мужчины стали толкать нас по направлению к дому бизнесмена. Серый бежал рядом с Михаилом, охранник шел сбоку, держа его на мушке.

– Так ведь это волк, Андрей, – сказал его товарищ, – понятно, почему собаки так надрывались! Ишь, завел себе животину!

– Думали, мимо нас проскочат! – усмехнулся Андрей. – Хорошо, что я в окно увидел, как вы через забор перелезали! Сейчас вам хозяин устроит допрос с пристрастием!

Цыплаков встретил нас на пороге дома. Он был в халате, выглядел злым и невыспавшимся.

– Ах, это вы! – сказал он при виде нас. – Рады вас видеть, проходите!

Мы прошли в холл. Цыплаков сел на диван, мы остались стоять посередине комнаты.

– Рассказывайте, какими судьбами к нам? – голос не предвещал ничего хорошего. – Думаете, здесь дураки сидят? Наврали мне с три короба про Тайвань и хотели, чтобы я поверил, да? Если врете, так уж знайте, про что! Тайвань – это остров. Никто туда за шмотками не ездит, дороже будет. Там технику покупают. Я сразу вас раскусил, просто хотел узнать, что вы вынюхиваете!

– Ничего мы не вынюхиваем! – сказал Павлик. – Все правда про Тайвань и шмотки. Я сам с Ириной ездил.

– Да нет дороги от Харбина до Астаны, понимаешь, идиот! – заорал Цыплаков. – Пора бы знать в твоём возрасте!

Павлик заметно обиделся, но отвечать не стал, боялся осложнить ситуацию.

– А что вы здесь делали? – вкрадчиво спросил хозяин. – Что найти хотели?

– Понимаете, – начала сочинять я, – дело в том, что в прошлый раз я потеряла у вас во дворе одну акцию. Извините, но, зная вашу репутацию, мы подумали, что вы нам ее не вернете.

– Врать будете в детском саду, – отчеканил Цыплаков, – на псарню их, живо! Там они все расскажут.

– Стойте! – завопила я не своим голосом, когда охранники подхватили нас за руки. – Я журналистка на тарасовском телевидении! Мы хотели снять передачу про богатых людей в деревне!

– Да? – удивился «авторитет». – А где ваша камера? Зачем шариться в темноте и врать? Можно и так прийти, я вам все расскажу, – по его голосу было непонятно, шутит он или говорит серьезно.

Он присмотрелся ко мне повнимательней.

– А пожалуй, вы не врете. Ваше лицо мне знакомо. Только я не помню, где вас видел. Телевизор-то я не смотрю и вам не советую.

– Хозяин, – сказал охранник Андрей, – точно, я ее видел. Она какую-то передачу про женщин ведет, жена ее постоянно смотрит.

– И какое отношение имеет женская передача ко мне?

– Ну, понимаете...

– Не понимаю! – рявкнул он. – Из этого вывод: вы работаете на себя, пытаетесь что-то разнюхать. Что с вами надо сделать? Правильно, закопать! И надпись написать!

Он говорил голосом детского сказочника. Но весело мне не было, ведь и правда закопает. Только надпись не напишет – будет могила неизвестного журналиста.

– А что это у вас за тряпье? – спросил он, показывая на пакет в руках Михаила. – Андрей, посмотри.

Жалко, что Серый остался на улице. Если хозяин догадается, каково предназначение этих вещей, нам конец. Если, конечно, он виновен в смерти Крынина.

Андрей взял пакет и достал оттуда сначала изорванный зубами тулуп, а потом одежду Ивана Николаевича.

– Что это? – Цыплаков брезгливо поморщился. – Вы что, старьевщики? Зачем этот хлам? – Он взял тулуп в руки и повертел. – Это зубки моих собачек, ничего не понимаю! – Хозяин недоуменно смотрел на нас. – Зачем вы лазили в псарню, да еще ночью?

– Он ядом пропитан, – высказал предположение Андрей, – хотели борзых отравить. Думали насолить вам.

– А что? Резонно. – Цыплаков кинул тулуп на пол. – А в чем эта тряпка? Да это же кровь, только зубки другие, пошире челюсть будет, – он посмотрел на дырки на просвет. – Черт знает что! Объясните, что за загадочные дела вы творите.

Действительно, дырки в тулупе сильно отличались от отверстий в окровавленной одежде. Выходит, что борзые Цыплакова неповинны в смерти Крынина. Я решительно вздохнула и начала выкладывать Сергею Валерьевичу все про наши подозрения.

Когда я закончила, хозяин засмеялся.

– Ну и бред! Я богатый человек, вы правильно заметили, поэтому мне незачем было убивать вашего директора, да еще таким извращенным способом! Да, я могу давить на людей, но до определенной степени. Меня забавляет, насколько они пугливы. Стоит прислать им моих охранников, – он показал на парней, – как председатели крупнейших колхозов начинают трястись и думать, что на них наехала мафия.

– Не разыгрывайте из себя эдакого озорника, – возмутилась я, – полрайона из-за вас трясется. Я знаю и про ваши связи в администрации, и про купленную милицию!

– Знаете, – сказал он задумчиво, – когда я первый раз сидел, то не понимал, почему на зоне такая жестокость. Зачем эта иерархия, законы, почему одни – опущенные, другие – короли. А на второй срок понял, что все это от скуки. Чтобы человеку было к чему стремиться, было над кем властвовать и кого бояться.

– А при чем здесь зона? – не поняла я.

– Он хочет сказать, – неожиданно встрял Михаил, – что ему здесь скучно. Вот и развлекается.

– Правильно, молодой человек! – обрадовался Цыплаков. – Денег мне хватает, поэтому и развлекаюсь, изучаю реакцию людей. Но поверьте, меня совсем бы не позабавила смерть человека, да еще от зубов зверя. Я вор в законе, а не убийца! – он гордо выпрямился.

– Нашли чем гордиться, – фыркнула я, – по мне, так одно от другого недалеко ушло!

– Скажете тоже! На зоне убийц не любят, их часто опускают. Украсть что-либо у человека – это заставить его не щелкать клювом, а следить за своими вещами. К тому же настоящий вор никогда не украдет последнее.

– Да у вас, гляжу, целая философия, – усмехнулась я.

Удивительное дело, бывший экз, вор в законе объясняет мне, тележурналистке, свою жизненную позицию, и, самое главное, я его понимаю. Мне, ведущей популярной передачи, не надо искать развлечений, они сами находят меня. Конечно, не стоит думать, что я не приложила усилий для того, чтобы добиться существующего положения. Но я рано задумалась о своем будущем, поэтому к зрелому возрасту получила почти все, что хотела. А такие люди, как

Цыплаков, понимают, что жили неправильно, неверно, лишь в зрелом возрасте, когда поздно чему-либо учиться. Поэтому они продолжают развлекать себя теми способами, каким их учили в тюрьме, – толкай ближних, плюй на нижних.

– А Крынина действительно могли убить, – сказал Цыплаков, – у нас мужик один сидел, так он удумал тещу со света сжить. Поймал в лесу гадюку, принес домой в банке. Нарисовал ей краской желтые пятна и домашним сказал, что это уж. А сам ночью банку к теще в спальню поставил. Наутро проснулись, а тетка уже холодная лежит. И все бы ему с рук сошло, если бы менты эти желтые пятна не увидели, когда гадюку поймали в вентиляции. Спрашивают: «А зачем это у гадюки на голове нарисовано?» Он говорит, что ради шутки. Они сразу и поняли, что не для шутки, а для обмана это было сделано. На суде мужик сознался, кричал, что, мол, теща его двадцать лет изводила, вот и решился на злодейство. А судья встает и говорит: «Меня теща тоже двадцать лет изводит, но я ей гадюк в постель не подкладываю!» И дал двадцать лет – для справедливости. Такая вот история, хотите верьте – хотите нет!

– Так ведь от гадюки никто не умирает, – сказал Павлик, – поболеешь и выздоровеешь!

– Эх, молодой человек! Я знал случаи, когда от укуса осы люди погибали! Все просто. Больное сердце или слабое здоровье – и ты на небесах!

Интересная вещь – все эти убийства с использованием живых существ или еще каким-нибудь хитроумным способом. Одни просто берут в руки нож, а другие подкладывают змею, дарят зараженную крысу или наливают ртути под ковер.

И как здесь можно что-либо доказать? Даже если найдешь убийцу, он может признаться, что животное принадлежало ему, но он не подозревал, что оно послужит причиной смерти человека. Только если докажут, что преступник умышленно готовил своего зверя к определенной миссии. Но тут нужны свидетели и улики.

Кстати, насчет свидетелей. Я до сих пор не поговорила с той женщиной, которая собирала грибы и нашла Ивана Николаевича. Вначале сам факт смерти настолько ошеломил меня, что я сочла достоверными сведения, переданные из вторых рук.

– Знаете, – сказал Сергей Валерьевич, – если вам интересно, то я могу подкинуть вам версию. Есть люди, которые были заинтересованы в смерти Крынина. Я не вправе их в чем-то винить, но вы можете проверить.

– И кто же это? – нетерпеливо спросила я.

– Представители фирмы «Ремстройреставрация». Их контора находится в Тарасове. Я знаю, что два месяца назад они умоляли Крынина продать им лесхоз. Обещали оставить его исполнительным директором. Он, конечно, отказался, сказал, что это не только его дело, но и других людей.

– А зачем им понадобился лесхоз?

– Скажу вам по секрету, эта фирма является прикрытием для других дел. Конкретных фамилий я вам называть не буду, сами раскопаете. Для официальных органов все выглядит нормально. Строительная компания с личным лесхозом. А на деле – представьте, какие деньги можно здесь отмывать. И главное, комар носа не подточит.

– А как отмывать здесь деньги? – наивно поинтересовалась я.

– Самый лучший способ – это стройка, реставрация и природные ресурсы. Кто будет считать, сколько на самом деле ушло на восстановление того или иного объекта или на обеспечение сохранности природы?

– И кому же это выгодно?

– Это выгодно фирмам, работающим с госзаказами. В одном городе, не скажу в каком, отец был губернатором, а его сын – подрядчиком по строительству дорог. Вот это, доложу я вам, семейный бизнес. Папа подкидывает заказы, выделяет средства из бюджета, а сынишка их «осваивает»!

Да, за такие дела могут убрать! Хотя не сошелся же свет клином на Гурьевском лесхозе, есть ведь и другие хозяйства! Я высказала свои сомнения Цыплакову.

– Вы правы, свет клином не сошелся! Но есть такие люди, для которых это дело принципа. Я развлекаюсь здесь, чувствуя себя властелином, а они любят держать кого-нибудь в страхе, наслаждаться своей безнаказанностью!

– Это больше похоже на маньяка, а не на делового человека! – усомнилась я.

– Все мы в чем-нибудь маньяки, а весь мир не более чем поле игры!

Попрощавшись с Цыплаковым, который, кстати, опять не предложил нас подвезти, мы зашагали к дому. Голова была чугунная, ноги ватные, одним словом, ни одна деталь в моем организме не состояла из обычной человечины. Когда утром мы дошли наконец до дома, у меня осталось только одно желание – рухнуть на кровать. Не лечь, а именно рухнуть. Как исполинская сосна, срезанная бензопилой, набирая скорость и с хрустом раздвигая кроны соседних деревьев, с глухим стуком упасть и лежать целую вечность...

Я проснулась уже далеко за полдень, каждая мышца в моем несчастном теле болела. Подкрепившись приготовленным Оксаной завтраком – самой хозяйки не было дома, – я пошла разыскивать Федосеева. Павлик остался беззаботно дрыхнуть.

Постанывая и побряхывая, я еле передвигала разбитые конечности по дороге. В такие минуты чувствуешь себя старой каргой. Ах, зачем я на свет появилась, ах, зачем меня мать родила!

Федосеев, слава богу, был в поселке. Старухи на скамейке указали мне на дом, в который он только что зашел. Я постучалась, никто не ответил. Еще раз – та же история. Я робко толкнула дверь. Она отворилась. Меня умиляет деревенская привычка не запирают двери! Попробуйте в городе не запереться, мигом последние трусы украдут. Я зашла в тесную прихожую и услышала чуть приглушенные голоса.

– Почему вы не поставили меня в известность? – этот голос явно принадлежал Федосееву. – Это же выгоднейший контракт!

– Дмитрий Валентинович, это не контракт, это кабала! – говорил неизвестный мне человек. – Эта «Стройреставрация» – обыкновенная экономическая дыра. Недаром Иван Николаевич столько раз отвергал их предложения!

Я громко стукнула входной дверью, чтобы не подумали, что подслушиваю. Здесь тоже говорят о «Стройреставрации»! Значит, Цыплаков не соврал. Эта фирма не раз обращалась к Крынину!

На стук вышел мужчина лет сорока, со смуглым и довольно приятным лицом. Он провел меня в комнату.

– Здравствуйте, – вскочил Дима, – знакомьтесь, – он показал на хозяина дома, – это наш экономист, Никита Алексеевич Норкин. А это та самая Ирина Лебедева, телеведущая.

– Ее представлять не нужно, – усмехнулся Никита Алексеевич, – я ее хорошо знаю.

– Вот и ладненько! – Дима потер руки. – Надо идти, Никита Алексеевич, позже с вами поговорим.

Когда мы вышли на улицу, Федосеев наклонился ко мне и тихо спросил:

– Как ваше расследование, что новенького?

– Ничего особенного не нашли. Кстати, хотела у вас узнать: где живет та женщина, которая обнаружила тело Крынина?

– А зачем вам она? Ничего интересного Даша не знает, я сам ее расспрашивал.

– Проводите меня к ней, пожалуйста, – настояла я.

Дима нехотя согласился и повел меня на дальнюю околицу поселка. Поселок был разбросан довольно хаотично, среди лесистых холмов, поэтому некоторые участки дороги мы про-

ходили среди густых зарослей. Я с удивлением отметила, что Гурьево гораздо больше, чем я думала.

– Вот ее дом, – Дима показал на избу с голубой крышей, – зовут женщину Даша. Обратную дорогу найдете?

Заверив его, что не заблужусь, я смело постучалась в дверь. Открыла мне молодая женщина, может быть, чуть постарше меня. Она сразу поняла, что от нее требуется, и охотно начала рассказывать:

– Иду я по лесу, возле Карюхиного пруда, грибы собираю. Сейчас их там полно. Так вот, вышла на полянку, думаю, опять нарежу. И правда: на пеньках их тьма-тьмушая. Увлелась я, полный туесок набидала. Тут слышу: какой-то звук странный в кустах.

– Что за звук? – насторожилась я.

– Вроде хрип или сипенье. Я перепугалась страшно, хотела убежать. Потом думаю: интересно поглядеть, что там такое. Вроде зверей страшных давно у нас нет. Раздвинула кусты, а там! – девушка закрыла глаза. – Никогда не забуду!

– Что же там? – нетерпеливо спросила я.

– А вы никому не скажете? Никто не знает об этом.

– Клянусь!

– Там лежал Иван Николаевич, несчастный. Он еще живой был.

– Как? – поразилась я. – Почему вы об этом не рассказывали?

– Страшно мне стало: а вдруг и меня того? Ну вот, лежит он, весь в крови, страсть как искусан. На губах пена, а горло порвано. Я подбегаю к Ивану Николаевичу, спрашиваю: «Кто вас так, Иван Николаевич?» По-моему, он хотел назвать имя убийцы, да не смог – хрипел только. А потом глаза закатил, помер. Тогда я побежала звать на помощь.

Поразительное хладнокровие – вместо того чтобы закричать в ужасе от увиденного, Даша пытается разобрать имя убийцы!

– А почему вы решили рассказать об этом мне?

– Я вам верю. Всегда «Женское счастье» смотрю. Нашим я не стала говорить. Думаю: кто его знает, что у них на уме. А вам интереса в хозяйстве нет.

– Так вы тоже считаете, что Крынина убили?

– Уж больно все волосок к волоску ложится: вначале угрожали, потом он погиб. Да и явно он что-то хотел сказать перед смертью...

Вот уж загадка так загадка! История начала мне напоминать «Собаку Баскервилей» Конан Дойла. Хотя, скорее всего, все намного прозаичней.

Я поблагодарила девушку и попрощалась. Теперь надо искать дорогу обратно. Так, кажется, за домом Даши надо свернуть налево и пройти через рощицу. Я побрела по тропинке, раздумывая над полученной информацией.

Перейдя улочку, состоящую из трех домов, я прошла через чей-то огород и углубилась уже не в рощицу, а в настоящую чащу. Вот понастроили домов! Как с неба горох рассыпали – один здесь, другой там!

Высоченные стволы уходили ввысь. Несмотря на яркое солнце, здесь царил полумрак. С Димой идти было не страшно, но сейчас, одна, я ощущала некоторое беспокойство. Зашелестело в кустах, явственно хрустнула ветка. Охнув, я свернула с тропинки и спряталась за деревьями. Черт его знает, кто тут водится! Лучше поостеречься. Я вновь услышала шорох, теперь за своей спиной. Оглянувшись, я увидела, как, извиваясь по склону, ко мне ползет змея! Взвизгнув, я выскочила из укрытия и побежала по тропинке, оглядываясь назад. Внезапно я на что-то наткнулась. Обернувшись, я увидела Федосеева. Он оторопело смотрел на меня, хлопая глазами. Я обрадовалась ему как родному.

– Откуда вы здесь? – Тут я заметила толстую палку у него в руках. – Зачем вам дубинка?

Он помолчал, видно, никак не мог сообразить, в чем дело. Наконец ответил:

– Я вас шел встречать, думал, заблудитесь. А палку взял на всякий случай.
– И правильно! – обрадовалась я. – Там змеи, сейчас одна за мной гналась!
– Змеи ни за кем не гоняются, – засмеялся Дима, – пока не наступишь, не укусят! Пойдемте домой.

Хорошо, что он меня встретил, а то мне, городскому жителю, с непривычки здесь страшновато. Или нервы расшатались после лесных приключений?

– Скажите, Дима, а вам известно что-нибудь о «Ремстройреставрации»?
– Откуда вы про это знаете? – удивился Федосеев. – Кто вам рассказал?
– Цыплаков. Он сказал, что эта фирма пыталась выкупить лесхоз у Крынина.
– Точно, – помрачнел Дима, – они пытались. Там сплошные бандюки, вот Иван Николаевич и отказался.

– А вы находите сотрудничество с ними выгодным? – врубил я в лоб.
– Я нахожу его необходимым. Они раздавят нас, как муху, если мы откажемся. Раньше я думал, что Цыплаков опасен. А теперь понимаю, что он ребенок по сравнению с ними.

– Вы так расписываете, будто это клан мафии Барзини! – усмехнулась я.
– Зря смеетесь, – серьезно сказал Дима, – если у кого и хватило бы ума так хитро убрать директора, – его голос понизился до шепота, – то только у них. Наш экономист, Никита Алексеевич, кое-что про них разузнал. Они обанкротили и разорили уже не одно предприятие. Например, такой случай: они пришли к председателю сельхозартели «Красные зори» с аналогичным предложением. Тот отказался, и что вы думаете – через три дня утонул на рыбалке. Никто ничего не заподозрил, а артель через месяц отошла в руки «Ремстройреставрации».

Не фирма, а вселенское зло какое-то! Главное, название такое мирное, благочестивое! Ассоциируется с ремонтом памятников архитектуры, а не с убийствами руководителей предприятий.

Выходит, след действительно надо искать в Тарасове. Сегодня же мы поедем туда!

Я предупредила Павлика, чтобы он собирался. Мы попрощались с Оксаной, попросив ее звонить нам. До станции нас, конечно же, подбросил Федосеев.

Глава 6

Тарасов встретил нас своей обычной суетой. На вокзале была тьма народу. Все галдели, бегали взад и вперед. На привокзальной площади теснились автобусы, готовые увезти пассажиров куда угодно. У меня было чувство, как будто кто-то включил звук после долгой тишины. В Гурьеве меня вначале даже угнетало полное отсутствие шума, но вскоре это начало казаться естественным.

В автобусе кондукторша все время выкрикивала: «Кто без билетиков, приобретаем, платим за проезд!» Прямо какое-то безумие – орущая тетка с выпученными глазами. Да и вся эта толпа людей, забившихся в один автобус, тоже была для меня нереально непривычной. Быстро человек адаптируется к новым условиям, за три дня забываешь былую жизнь!

Мы с Павликом разъехались по домам, договорившись встретиться в телецентре. Что ни говори, а лучше родной ванной ничего нет! Каждый день париться в бане не будешь, а чтобы просто ополоснуться, надо греть воду.

Как же я соскучилась по Володьке! Сейчас обниму его крепко-крепко! Я с замиранием сердца позвонила в родную дверь. Когда мой муж показался в дверном проеме, я повисла у него на шее. Он подхватил меня, прижал к себе и аккуратно поставил на землю. Казалось, он был чем-то смущен.

– Что с тобой, Володька? – спросила я встревоженно.

– Просто у нас гости, – он потупил взгляд.

Я отстранила его и зашла в комнату. Так, все ясно! На диване сидела длинноногая девица в коротенькой юбочке. Увидев меня, она вскочила и поздоровалась. Значит, пока я там боролась с преступностью, муженек времени даром не терял. От обиды я, не разбирая дороги, ринулась обратно в прихожую. Значит, я никому не нужна! У самой двери, когда я пыталась открыть замок, меня задержал Володька.

– Это совсем не то, что ты подумала, – забормотал он.

– А что это – научное совещание? – выкрикнула я зло. – Не пудри мне мозги!

Я уже готова была выскочить наружу, но он не отпускал мой локоть.

– Это моя аспирантка, Таня Семенова. Она пришла посоветоваться со мной насчет диссертации. Если не веришь – пойдем, покажу бумаги!

Мне стало стыдно. В самом деле, в чем я заподозрила моего дорогого Володьку? Я прошла в комнату и извинилась перед девушкой тоже. Муж представил нас друг другу.

– Я бы так же отреагировала, – сказала девушка, – у меня уже был случай с одним преподавателем. Его жена надавала мне тумаков, застав наедине с мужем. А я всего-навсего за пропуски отчитывалась.

Мы посмеялись. Девушка мне понравилась, в меру простая и одновременно интеллигентная. Она не позволяла себе лишнего в разговоре. Когда Таня ушла, Володька спросил меня, как движется расследование. Когда я рассказала ему о своих приключениях, он задумался.

– Говоришь, «Ремстройреставрация»? Где-то я уже слышал это название. Точно! – он хлопнул себя по лбу. – Там же Таня работает секретаршей.

– Не может быть! – ахнула я. Вот это удача!

Муж пообещал связаться с аспиранткой, как только она доберется до дома. Я подошла к музыкальному центру и любовно погладила его. Как давно я не слышала любимой музыки! Что включить, Паваротти или Шуберта? Внезапно я поняла, чего мне хочется. Недавно я купила диск с музыкой Моцарта, наложенной на звуки природы – шум ветра, моря, пение сверчка. Когда я включила центр, Володька заглянул в комнату.

– Неужели ты не устала от звуков природы? – съязвил муженек.

– От них не устаешь, – парировала я, ложась на диван, – они позволяют отдыхать.

Телецентр встретил меня, как всегда, дружелюбно: поприветствовали на вахте, люди здоровались в лифте, в коридорах. Все-таки приятно быть известной.

Кошелев отругал меня за задержку. Но видно было, что ему самому интересно мое расследование.

– Тут Павлик что-то рассказывал... Какие-то волки, собаки. Что за чертовщина? Кто кого загрыз?

– Пока ничего не известно, Евгений Васильевич, – отрапортовала я, – мы еще не докопались до истины.

– Все бы тебе в такие истории ввязываться, – проворчал начальник, – кто за тебя будет «Счастье» вести?

– Это не мешает моей передаче!

– Это надо же! Поехала в глушь, в леса – и там кого-то убили! Ну ты, Лебедева, просто магнит катастроф какой-то!

Он повозмутился еще немного. Я скромно молчала. Ну не сама же я их убиваю! В чем меня можно обвинить?

В моем кабинете уже сидела честная компания: Павлик, Валерка Гурьев и Лера Казаринова. Они оживленно обсуждали что-то. При виде меня они замолкли. Валерка обернулся и сказал:

– А вот и наш Шерлок Холмс! Кто это там воет на болотах? Овсянка, сэр!

Все расхохотались. Отсмеявшись, я спросила у нашего криминального репортера:

– Валерка, а ты случайно не знаешь про такую фирму – «Ремстройреставрация»?

Гурьев сразу посерьезнел и буквально выволок меня за руку в коридор.

– Это не при свидетелях, – пояснил он, – только не говори, что ты связалась с этими людьми.

– А что такое? – удивилась я. – Чего ты так испугался?

– Да ты же всех подставишь. И себя, и ребят! Мой совет – даже не думай копать под них!

– Я не понимаю, там что, одни киллеры сидят, что ли?

– Не киллеры, но очень серьезные люди. Тебе не по зубам. Даже нашей администрации – тоже.

– Да кто же они такие?

– Это группа людей, – зашептал он тревожно, – имеющих связи с Москвой. Столичные варяги, так сказать. Имеют у нас в регионе свои интересы. «Стройреставрация» – это ширма.

– А откуда ты об этом знаешь? – поинтересовалась я.

– Столкнулся с ними по делу о покушении на депутата, помнишь такое? Это они его припугнули, поверь мне! Не связывайся с ними!

– Хорошо, – пообещала я и зашла в кабинет. – Лерочка, можно тебя на минутку?

Девушка вышла вместе со мной, Валерка проводил нас обжигающим взглядом. И был прав, я действительно не собиралась бросать свое расследование. Меня не пугают столичные гастролеры, не так страшен черт, как его малюют.

– Лера, мне нужна твоя помощь, – я доверительно коснулась ее руки, – я хочу выглядеть и разговаривать, как типичная секретарша.

– Зачем? – удивилась помощница режиссера.

Дело в том, что Володька позвонил аспирантке Тане, и она сказала ему, что увольняется со своей работы и фирме требуется замена. Я решила попытать себя на этом поприще, тем более что как нельзя лучше подхожу для этой роли – красивая и образованная женщина, молодая, но не слишком.

Я обратилась к Лере, ведь лучше ее никто не сможет что-нибудь организовать.

Девушка обещала мне помочь, и мы удалились с ней в другую комнату – разрабатывать облик элитной секретарши. Павлик и Валерка неодобрительно посмотрели на нас, мужиков разозлило, что я действую за их спинами.

Немного макияжа, строгий деловой костюм с короткой в меру юбкой, минимум украшений, и вот я стою в приемной «Ремстройреставрации». Меня встретила Таня и попросила подождать. Я присела на небольшой диванчик и стала рассматривать буклеты, лежащие на журнальном столике. Я запомнила несколько слов, которые должна сказать претендентка на должность секретарши: «Я универсальный пользователь ПК, знакома с программами WORD, EXCEL. Свободно разговариваю на английском языке и обучена работе с посетителями». Мимо меня в кабинет начальника прошли мужчины специфического вида, в широченных пиджаках, с накачанными шеями. Это явно не строители, что-то не похожи они на работяг в замызганных краской робах.

Таня вызвала меня через пятнадцать минут. Я, робея, вошла в просторный кабинет. Красин Иван Анатольевич – так звали начальника – долго и внимательно изучал меня. Его глаза были холодными и немигающими, как у кобры. Это был мужчина сорока пяти лет, стройный и подтянутый. Светлые волосы аккуратно уложены, а песочного цвета костюм безупречен. Что-то подсказывало мне, что эта «белокурая бестия» имеет опыт работы в спецслужбах.

– Здравствуйте, – сказал он приветливо, чуть приподнимаясь из своего кресла, – Таня о вас уже немного рассказала. Что вы сами поведаете о себе?

Я произнесла заученную фразу, Красин одобрительно кивнул.

– Знаете ли вы основное правило работы у нас? – бесстрастно спросил мужчина. – Вы никогда и ни при каких обстоятельствах не должны ни с кем делиться впечатлениями о работе. Если согласны на такое условие, то мы вас возьмем.

– Согласна, – легко сказала я.

– Учтите, – предупредил меня Иван Анатольевич, – это не так просто, как кажется. Мы тщательно проверяем своих сотрудников и в случае нарушения договора наказываем их.

Таня принялась разъяснять мне круг моих обязанностей – как отвечать на звонки, каков круг деловых связей фирмы, как я обязана общаться с посетителями. Под конец объяснений она шепнула:

– Знайте, насчет наказания дело нешуточное, они люди серьезные. Я бы не стала с ними связываться.

И я приступила к работе, отвечала на звонки, принимала посетителей. Некоторых Красин приглашал к себе, они разговаривали по полчаса и больше. И как многие женщины работают так всю жизнь? Скука смертная, сидишь, как кукла-робот, никакой инициативы, не отойти никуда.

Один из посетителей мне ужасно не понравился – невысокого роста, неприметный, со светлыми, почти белыми глазами. Он напомнил мне Абадонну из польской экранизации «Мастера и Маргариты». Абадонна без разрешения проскочил в кабинет к Красину, буркнув на ходу: «Мне назначено». Я кинулась за ним:

– Мужчина, постойте, я о вас доложу!

– Успокойтесь, Ирина, – остановил меня Красин, – это мой помощник Абель, пропустите его ко мне в любое время.

Абель, ну и имечко! Очень неприятный тип! Наверняка он доверенное лицо начальника в темных делишках. Интересно, о чем они там говорят? Я прислушалась, из-за обитой кожей двери не доносилось ни единого звука. Что, если прислониться к ней ухом? А если дверь откроется? Меня тогда похоронят с почестями!

– Я же сказал тебе: разберись с Афанасьевым! – послышался из-за двери голос Красина. Значит, она пропускает звуки!

– Но, шеф, – оправдывался Абель, – я его предупредил! Я же не виноват, что он такой дурак!

– Заканчивай с этим!

Дверь распахнулась. Из нее вышел злой Абель. Он выглядел немного встрепанным. Сильно они кричали, если в приемной было слышно! Меня удивляет такая неосторожность – только сегодня взяли секретаршу и при ней уже ведут разговоры о каких-то разборках. Хотя, может быть, они уверены в своей безнаказанности, ведь предупреждал же меня Валерка!

Начальник дал мне задание набить на компьютере бланки каких-то документов. Я положила текст перед собой и стала печатать. Я уже разучилась это делать, хорошо, что Красин не видел, как «универсальный пользователь ПК» ищет буквы на клавиатуре. Но через некоторое время я уже вошла во вкус и печатала довольно сносно.

Мне стало интересно, какая информация хранится в этом компьютере. Закрыв рабочее окно WORD, я внимательно стала рассматривать ярлыки на рабочем столе. «Мои документы», вот что мне нужно. Я увидела длинный список файлов. Так, remstroj.doc – скорее всего, общая информация о фирме. Это был длинный текстовый файл, в котором говорилось, что генеральным директором «Стройреставрации» является Красин. Форма собственности – долевое владение, закрытое акционерное общество. Здесь же приводился устав фирмы, список построенных объектов недвижимости в Тарасове. Интересней всего была информация о принадлежащих фирме сельскохозяйственных предприятиях. Красин, а вместе с ним еще несколько человек числились владельцами контрольного пакета акций таких хозяйств, как «Красные зори», «Артемьево», «Смолинский». И зачем им такое количество колхозов нужно? Насколько мне известно, сельскохозяйственный бизнес сейчас не так уж и прибылен.

Хотя тут могло быть две версии. Первая, предложенная Цыплаковым, – о том, что все это необходимо для отмыwania денег, а вторая – что «Стройреставрация» является холдинговой компанией, которые сейчас набирают силу. Вторая версия выглядела менее криминальной. Зачем для образования холдинга убивать людей? Это ведь вам не нефть и не золото. Я стала открывать другие файлы.

Жалко, что я ничего не понимаю в бухгалтерии. Я просмотрела баланс предприятия за прошлый год. Актив, пассив – все это было для меня темным лесом. Выходит, я не найду сегодня ничего интересного.

– Что, Ирина, интересуетесь? – раздался голос у меня над ухом. Я обернулась, передо мной стоял Красин. И как же я не услышала, что он вошел?

– Мне интересна бухгалтерия фирмы, – проблеяла я, – ведь по образованию я бухгалтер.

– Похвально, – сказал директор, – я сам люблю просматривать такие документы. Сразу видно, прибыльное предприятие или нет, – по его лицу было непонятно, заподозрил ли он меня в чем-нибудь.

Когда я устраивалась, сказала, что мои документы – трудовая книжка и диплом – лежат пока в отделе кадров на прежнем месте работы. Поэтому, в принципе, я могла врать что угодно. Долго я здесь оставаться не собиралась.

Наконец рабочий день закончился. Можно было оставить свои нудные обязанности и выйти на улицу. Честно говоря, от такой службы может развиваться целлюлит вместе с геморроем. И как секретарши поддерживают свое здоровье и красоту? Наверное, ходят в фитнес-клуб. Достойное развлечение для длинноногих курочек.

Попрощавшись с Иваном Анатольевичем, я спустилась вниз. Офис располагался недалеко от Тарасовского цирка, в самой шумной части города. Невероятное количество пешеходов и пробки на дорогах не способствовали легкому пути до дома. Я проталкивалась через плотную толпу спешащих людей и все больше раздражалась. Хотелось есть, желудок судорожно сжимался. Я представляла, что мне еще предстоит трястись в набитом автобусе, и мне стано-

вилось дурно. Приехал бы сейчас Костя Шилов на «Волге» и довез бы меня домой. Размечтавшись, я совсем перестала смотреть по сторонам.

Этим воспользовался противного вида мальчишка. Он рванул у меня из рук сумку и понесся вдоль по улице.

– Стой! – заорала я ему вслед. – Держите вора!

Но никто даже не пошевелился, смотрели на мчащегося огольца, как на бесплатное кино. Вдруг, расталкивая прохожих, из-за моей спины выскочил здоровенный мужчина в черном костюме. Он огромными скачками припустил за пацаном. Мне сразу стало ясно, что воришка от него не уйдет, слишком велика была разница в скорости. Вот он настиг мальчишку и схватил его за шиворот. Одной рукой вырвал сумку, а другой буквально понес пацаненка ко мне.

– Ваша сумка? – спросил он, подойдя поближе. Видно было, как он запыхался. Мальчишка висел у него в руках, как затравленный зверек, его грязное личико было искажено страхом.

– Моя!

– Прошу вас, леди, – он галантно приложил руку к сердцу, – не наказывайте этого озорника. Ну что может дать ему тюрьма? Только усугубит его судьбу!

Он дал пацану подзатыльник и отпустил его восвояси. Я внимательно посмотрела на незнакомца. Он был высок и невероятно красив. У него была густая, черная как смоль шевелюра, голубые глаза и волевой подбородок. Не перевелись еще настоящие мужчины. Пока другие стояли как олухи, он не поленился и помог даме!

– Спасибо вам огромное! – расчувствованно сказала я.

– Ничего не стоит, – отмахнулся он, – Кстати, давайте с вами познакомимся. Меня зовут Григорий.

– Ирина, – сказала я, кокетливо потупив глаза.

– Позвольте, – он наклонился к моей руке и поцеловал ее. Боже мой, какие манеры в наш сумасшедший век! – Как я мог оставить без помощи такую красивую женщину! Позвольте вас немного проводить.

Какая женщина не любит комплиментов, да еще сказанных таким красавцем! Я снисходительно разрешила себя проводить. По пути спутник забавно рассказывал мне о том, как он в детстве воровал помидоры на рынке. Его поймали, но пожалели и отпустили. С тех пор он тоже всегда так поступает с воришками.

– Разрешите поинтересоваться, Ирина, а куда мы идем?

Узнав, что я направляюсь на автобусную остановку, он пришел в ужас. Сказал, что такая леди, как я, просто не должна ездить в общественном транспорте, что я рождена для лимузинов.

– Неподалеку у меня припаркована машина, если позволите, то я довезу вас до дома, – предложил он.

Я задумалась о муже. Флиртую тут с каким-то мужчиной, а он дома ждет, волнуется. Но с другой стороны, что я теряю? Не каждый день такое случается.

Машина оказалась неожиданно шикарной. На обочине блеснул «Мерседес», пусть не последней модели, но достаточно новый. Я села в мягкое кресло и чуть не замурчала от удовольствия, сиденье обнимало меня, словно живое. Григорий включил тихую приятную музыку, и я окончательно расслабилась. Он завел автомобиль, мощный двигатель тихо забормотал под капотом. Мужчина повернулся ко мне, вид у него был слегка смущенный.

– Пожалуйста, не подумайте чего плохого, – сказал он тихо, – но я мечтаю о том, чтобы пригласить вас в ресторан, хотя бы на пару часов. Вы мне очень понравились.

Я снова вспомнила о Володьке. Но он был далеко, а Григорий так близко... К тому же мне так давно не хватало такой романтики – неожиданное знакомство, галантный мужчина на хорошей машине...

– У вас случайно нет телефона, Григорий? – спросила я, решившись.

– Хотите позвонить домашним? – Он протянул мне телефон, а сам деликатно вышел из машины.

Я позвонила Володьке и сказала, что задержусь, зайду к подружке. Я почувствовала укор совести – не люблю врать близкому человеку. Да ладно, не в постель же я с этим Григорием укладываюсь!

– Куда мы едем? – спросила я.

– Мы едем в «Гуппию», это небольшой ресторанчик. Очень красивый, – пояснил мужчина, выводя «Мерседес» на дорогу.

В «Гуппии» действительно было красиво. И очень уютно: в маленьком зале стояли столики, отделенные друг от друга перегородками. Музыка была негромкой, в восточном стиле. Между столиками сновали проворные официантки, наряженные в забавные костюмы, сверкавшие, как рыба чешуя.

Григорий взял меню и заказал нам шашлык из осетра под винным соусом, креветки и «Шардоне» – напиток богов. Пища была умопомрачительно вкусной. Я не заметила, как проглотила свою порцию.

– О-о! – засмеялся мой спутник. – Да вы, я вижу, по-настоящему голодны! – Он подозвал официанта и, несмотря на мои протесты, попросил принести еще порцию.

– Кушайте на здоровье, – посмеивался он, наблюдая, как я уничтожаю добавку, – вам надо восстановить силы.

Наверное, этот аппетит пришел от нервных переживаний последних дней. Когда я выпила рюмку «Шардоне», почувствовала себя абсолютно счастливым человеком.

– А откуда вы шли, Ирина, когда этот мальчишка на вас напал? – спросил Григорий.

– С работы. Честно говоря, я не ожидала таких событий.

– Никто их не ждет. А где вы работаете, позвольте спросить?

– А я только сегодня устроилась на новую работу, в «Ремстройреставрацию», слышали про такую фирму?

– Кажется, слышал, – задумался мужчина, – и на какую должность?

– Секретарши, – просто сказала я.

Мы еще немного поболтали обо всякой ерунде. Мне доставляло удовольствие сидеть вот так, никуда не спеша, и рассматривать красивую обстановку ресторана. Мой новый знакомый оказался эрудированным мужчиной. Мы свободно обсудили с ним новинки литературы, поспорили о классической музыке. Приятно, когда вместе с силой присутствует и ум. А то природа постоянно выдает некомплект: если человек силен и красив, то обязательно обделен интеллектом.

– А знаете, Ирина, я сам бизнесмен и знаю, каково приходится секретаршам. Их без конца пытаются затащить в постель. А если фирма бандитская, тут вообще мрак. Бесконечные проверки верности, угрозы. Бандиты очень боятся, что их кто-нибудь сдаст.

Его слова очень напоминали мои собственные мысли. Фирма, в которой я временно работала, была именно из таких.

– А у вас какое впечатление сложилось об этой «Стройреставрации»? Жалко будет, если такая женщина, как вы, попадет в переplet.

– А почему вы про это говорите? Вы что-то знаете про эту фирму?

– Да нет, просто в наблюдательности мне не откажешь. На вид вы женщина успешная и деловая, значит, шли не на плохое место. Но вы чем-то немного расстроены. Выходит, что вас не устраивает либо зарплата, либо сама работа. А что может не устраивать секретаршу в работе? Только если начальник вас домогается или требует клятву неразглашения тайн. Правильно я мыслю? – закончил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.